

К 37С
В-30
6970-к.

« ВСЕ МОИ МЫСЛИ, ВСЕ МОИ ЖЕЛАНИЯ
КЛОНЮТ К ТОМУ,
ЧТОБЫ СВОИХ ЕДИНОПЛЕМЕНЦЕВ
ПОВЛЕЧЬ ЗА СОБОЮ.
БУДЕТ УЖЕ ЖИТЬ ИМ В НЕВЕЖЕСТВЕ ! »

СПИРИДОН МИХАЙЛОВ

Д. Е. ЕГОРОВ

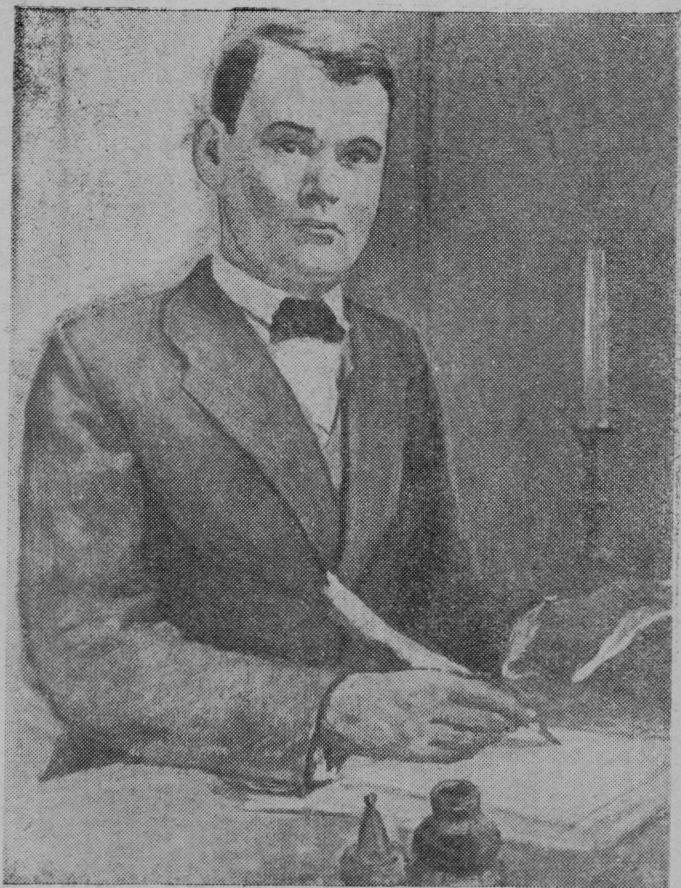
СПИРИДОН
МИХАЙЛОВ

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. предыл. выдач _____

КОНТРОЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

С. М. МИХАЙЛОВ (1821—1861)

Портрет работы заслуженного деятеля искусств Чувашской АССР
художника Н. К. Сверчкова.

Д. Е. ЕГОРОВ

К 37с
Е30

СПИРИДОН
МИХАЙЛОВИЧ
МИХАЙЛОВ

(Историко-педагогический очерк)

дх

ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Чебоксары — 1968

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Жизненный путь С. М. Михайлова и его эпоха	7
Общественно-политические взгляды С. М. Михайлова	13
Просветительская деятельность С. М. Михайлова	28
Идеи воспитания в творчестве С. М. Михайлова	52
Заключение	91

6970 - К

ПРОЧЕНО
20 08

Чувашская республиканская

библиотека

им. П. Горького

Егоров Дмитрий Егорович

СПИРИДОН МИХАЙЛОВ

(Историко-педагогический очерк)

Обложка художника Э. М. Юрева

Редактор А. И. Дмитриев

Художественный редактор М. А. Ильин

Технический редактор А. Ф. Никитина

Корректор В. Н. Иванова

НТ 10659. Сдано в набор 4/IX-1968 г. Подписано
к печати 13/IX-1968 г. Формат 84×108 1/32. Физич.
печ. л. 3,3. Условн. печ. л. 5,04; Учетно-изд. л. 4,40.
Заказ № 4903. Тираж 3000 экз. Цена 13 коп.

Чувашкнигоиздат, Чебоксары, пр. Ленина, 4.

Типография № 1 Управления по печати
при Совете Министров Чувашской АССР
Чебоксары, Володарского, 5.

Чувашская республиканская
библиотека УРС
им. КПРС

ВВЕДЕНИЕ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла широкие возможности для глубокого, всестороннего изучения и научной разработки культурного наследия всех народов нашей страны. За годы Советской власти в этом направлении много сделано и в Чувашии. Ученые, литераторы, деятели искусства выпустили немало ценных книг. Среди них «История Чувашской АССР» — коллективный труд, «История Чувашии XVIII в.» В. Д. Димитриева, «Очерки дореволюционной чувашской литературы» М. Я. Сироткина, «Крестьянство Чувашии в период капитализма» И. Д. Кузнецова, «Происхождение чувашского народа» В. Ф. Каховского, «Этнопедагогика чувашского народа» Г. Н. Волкова и др. Они являются существенным вкладом в изучение прошлого чувашского народа.

Большую ценность представляют публикации о творчестве видных деятелей национальной культуры и просвещения — выдающегося просветителя И. Я. Яковлева, классика чувашской литературы К. В. Иванова.

Однако в культурном наследии чувашского народа еще много неизученного материала, неизвестного широкому кругу читателей. Так, например, совершенно недостаточно работ о творческой деятельности просветителя, писателя, историка и этнографа С. М. Михайлова. В книге профессора М. Я. Сироткина «Очерки дореволюционной чуваш-

ской литературы» и брошюре доцента П. Г. Григорьева «С. М. Михайлов» наследие С. М. Михайлова не получило всестороннего освещения, ибо эти исследования касались лишь отдельных сторон его творчества. Между тем вопросы просвещения и воспитания, занимавшие в деятельности С. М. Михайлова большое место, пока еще не нашли должного освещения.

Настоящая брошюра является первым шагом к ознакомлению читателей именно с этими сторонами его деятельности. Для освещения поставленного вопроса автором изучены опубликованные, неопубликованные труды С. М. Михайлова и литература о нем, а в оценке его деятельности он руководствовался указанием В. И. Ленина о том, что «исторические заслуги судятся не по тому, что *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками»¹.

Хотя автор очерка не претендует на исчерпывающее освещение деятельности С. М. Михайлова как просветителя и педагога-теоретика, но питает надежду, что читатель и в первую очередь учителя, воспитатели найдут в нем материалы, представляющие историко-педагогический интерес, а при творческом подходе могут использовать их и в решении современных задач воспитания и образования.

Автор считает своим долгом выразить глубокую благодарность за ценные советы и указания по работе профессору Московского ордена Трудового Красного Знамени государственного педагогического института имени В. И. Ленина В. А. Ротенберг, доценту этого же института В. М. Кларину, кандидату исторических наук П. Г. Григорьеву, а также педагогическому коллективу Юнгинской средней школы имени Спиридона Михайлова — за помощь в сборе материалов.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 178.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ С. М. МИХАЙЛОВА И ЕГО ЭПОХА

С. М. Михайлов (1821—1861 гг.) жил в самый мрачный период в истории России, в период, как писал В. Г. Белинский, «гнусной расейской действительности».

— Это было время аракчеевщины, открывшей реакционный поход против литературы, науки и живой общественной мысли.

В ту пору Россия переживала исторически прогрессивный и закономерный процесс вызревания в недрах феодального строя новых, капиталистических отношений. Рушились старые, отжившие формы хозяйства, тормозящие росту производительных сил, изживали себя соответствующие им политические надстройки, в экономическую жизнь страны вторгались прогрессивные отношения нового общественного строя. В 30—50 годах XIX века, несмотря на существование крепостного права, в России значительно выросли производительные силы. Это оказало большое влияние на развитие социально-экономических отношений и на окраинах царской России. Однако Чувашия оставалась еще одним из самых отсталых, забитых уголков России, неправый ее народ угнетался нещадно.

Царизм искусственно сдерживал развитие экономики и культуры «инородцев». Трудовой народ Чувашии находился под тройным гнетом — он был совершенно бесправным в политическом, социальном и национальном отношениях. «Чиновничество царит в северо-восточных губерниях России и в Си-

бири,— писал А. И. Герцен, находившийся в 30-х годах XIX века в вятской ссылке,— тут оно раскинулось беспрепятственно, без оглядки... даль страшная, все участвуют в выгодах, кража становится общим делом... Настоящий клад для полиции — это вотяки, мордва, чувашии...»¹

Нищета и бесправие, массовые болезни и высокая смертность, бескультурие и сплошная безграмотность — таков был удел чувашского народа при царизме. Все это ярко показано в ряде произведений С. М. Михайлова.

Спиридон Михайлович Михайлов родился 28(16) ноября 1821 года в околотке Юнгапоси деревни Юнги-Ядрино Янымовского сельского общества Таттаркасинской волости Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (дер. Юнгапоси Юнгинского сельского Совета Моргаушского района Чувашской АССР). Род Михайловых происходил из некрещенных чуваш, именовавшихся в старину родом Яндуш. Предки С. М. Михайлова отмечены в истории как активные участники военных походов Ивана Грозного и Петра I. «Пращур мой Тевель в 1696 году был под Азовом вместе с козьмодемьянскими стрельцами», — писал С. М. Михайлов.

Продолжительное время находились на военной службе и родные братья Спиридона Михайловича — Николай и Дмитрий. Николай служил рядовым гренадерского полка в г. Ревеле (г. Таллин), Дмитрий был барабанщиком резервного батальона гвардейской бригады в Петербурге (г. Ленинград).

Некоторые из предков С. М. Михайлова были активными деятелями общественной жизни своего села. Родители С. М. Михайлова были государственными крестьянами, занимались земледелием. Отец его — Михаил Семенов и мать — Степанида Николаевна кроме родного чувашского языка владели русским и марийским языками.

Нелегко жилось большой семье Михайловых.

¹ А. И. Герцен. Былое и думы. Т. I, М., ГИХЛ, 1937, стр. 414, 431.

Она испытывала все трудности казенных крестьян-чуваши: малоземелье, нищету, произвол и бесчинства местных властей. В семье было пять сыновей и четыре дочери. Спиридон был третьим сыном.

Детские годы Спиридона прошли в условиях обычной крестьянской жизни. Учиться грамоте детям не было никакой возможности, так как тогда школ в чувашских деревнях вообще не существовало. Однако мальчик Спиридон рвался к учебе. Он плакал, прося отца отвезти его в город учиться грамоте. «В противном случае я намеревался бежать из дому для науки», — писал С. М. Михайлов впоследствии, вспоминая о своих детских годах.

Страстная тяга к образованию, конечно, крепла в нем не без влияния семейных разговоров о выгодах грамотности. Практическая польза образования была очевидна. Грамотным легче давалась служба в армии, грамотные в сельских условиях имели возможность жить более обеспеченно.

Поэтому вполне понятно решение отца Спиридона выучить одного из сыновей, чтобы в семье иметь своего грамотея. И восьми лет Спиридон был отдан на воспитание и обучение в город Козьмодемьянск к знакомому купцу Т. Ф. Михееву. Михеев ранее неоднократно бывал у родителей Спиридона и часто говорил, что он возьмет Спиридона «к себе либо в дети, либо на воспитание». Но надо полагать, что Михеев, не имевший своих сыновей (у него было две дочери — Анна и Екатерина), согласился взять на воспитание чувашского мальчика, страстно тянувшегося к грамоте, небескорыстно: он хотел подготовить себе помощника по торговым делам. Незадолго до своей смерти С. М. Михайлов по этому поводу писал: «...сам купец Михеев с приказчиками своими хлопотливо занимался судопромышленностью и лесопромышленностью. Имея довольно много мукомольных мельниц, почти всегда находился в отсутствии, а если приезжал домой, то на самое короткое время, да и это время он употреблял на разгул... следовательно, некогда было ему печься обо мне, когда он и о сво-

их дочерях не пекся, притом, будучи он и сам человек без всякого образования и, живя по старине, не имел надобности отдавать меня в училище, а старался приспособить меня к торговле».

Первой наставницей С. М. Михайлова в Козьмодемьянске была жившая у Михеева русская женщина Анна Кузьминична Дворникова. С ее помощью Спиридон начал понимать и разговаривать по-русски, выучил азбуку и научился читать. Потом его на учебу отдали к мещанину, служившему в городском магистрате. Однако эта учеба не удовлетворяла Спиридона. «Но он,— вспоминает своего учителя С. М. Михайлов,— мною мало занимался, будучи отвлекаем и своею должностью и разгульными своими сослуживцами, так что я должен был учиться письму сам собою. Выучившись кое-как писать, я не мог без руководителя далее проложить себе дорогу к наукам...»

Следует к этому добавить, что, живя у Михеева, С. М. Михайлов испытывал немало тягот и горести: его использовали на побегушках, домашние Михеева с ним обращались грубо, часто обижали его, называя чувашским духом, чувашской лопаткой и т. п. Жизнь в Козьмодемьянске, вдали от родителей, была суровой. «Тяжко мне было маленькому переносить такие наглости, от которых находил себе защиту только в одной своей наставнице, вдове Дворниковой, женщине сердобольной. Не забуду ее благодеяния до конца жизни»,— писал об этих годах С. М. Михайлов. Его жизнь еще более ухудшилась после пожара в Козьмодемьянске в 1833 году. Большая часть города сгорела. Многие из погоревших родственников Т. Михеева перешли к нему на житье, отчего обид прибавилось еще больше. «Я готов был оставить дом купца Михеева и уйти, куда глаза глядят... в своевольной домашней его челяди наглости стало являться еще больше»,— вспоминал С. М. Михайлов. В конце 1833 года он вынужден был оставить дом купца Михеева. Оказавшись в крайней нужде, он поступил в местное волостное правление, чтобы «приобыкнуть к письмоводству»,

где тоже испытывал немало горя, а некоторые дни даже оставался без пищи.

Документальных данных об окончании С. М. Михайловым какого-либо учебного заведения нет. Однако, как писал В. К. Магницкий, работавший инспектором школ Казанской губернии и собравший много материалов о жизни и деятельности С. М. Михайлова, он обучался в какой-то школе. В архивных документах имеются сведения о намерениях С. М. Михайлова в 1834 году отправиться в Казань для продолжения своего образования. Это признание С. М. Михайлова не может не свидетельствовать о завершении им курса обучения в одном из учебных заведений Козьмодемьянска и получении в подтверждение этого официального документа. Но мечта не осуществилась из-за того, что дальнейшее продолжение образования без покровительства в то время было невозможно.

С. М. Михайлову пришлось наниматься на работу очень рано. В 1834—1842 годах он работает помощником писаря в волостных правлениях и писцом у чиновников земской полиции.

В 1842 году С. М. Михайлов утверждается штатным переводчиком чувашского языка в Козьмодемьянском земском суде. Однако он и в эти годы не перестает овладевать самостоятельно знаниями по широкому кругу вопросов и благодаря своей настойчивости постепенно становится высокообразованным человеком своего времени.

С. М. Михайлов прекрасно владел родным, марийским и русским языками, постоянно общался с народом, систематически занимался самообразованием, читал произведения передовой русской литературы, и это помогло ему совмещать работу переводчика с большой общественной, просветительной, научной, а также публицистической деятельностью.

Активное участие он принимает и в работе различных научных организаций России. Так, в 1853 году С. М. Михайлов избирается членом-сотрудником Российского географического общества, с 1856

года он состоял членом-корреспондентом Казанского губернского статистического комитета, который являлся одним из крупных научных центров страны по изучению Среднего Поволжья. Таким образом, как ученый и просветитель, историк и писатель он становится известным не только в России, но и за ее пределами.

За плодотворную научно-исследовательскую и литературно-публицистическую деятельность С. М. Михайлов в 1859 году Российским географическим обществом награждается серебряной медалью. Архивные документы подтверждают связи С. М. Михайлова и с Академией наук России, от которой он имел даже благодарность за присланные в Академию ценные материалы¹.

Однако весь жизненный путь чувашского ученого и просветителя, педагога и писателя С. М. Михайлова в условиях царизма был очень трудным. Нужда и материальные недостатки сопутствовали ему и его семье всю жизнь. «Теперь,— писал он о себе в 1859 году,— мне от роду 38 лет, в продолжении которых я довольно испытал горького. В детстве до 15-летнего возраста я сам пробивал себе дорогу; не было у меня решительно никаких покровительств и средств; ползал как червь, гнулся в дугу и нырял в лужу. В особенности терпел много от людей развратных...»

Все это, безусловно, мешало ему в плодотворной творческой работе. Кроме того, научно-исследовательская и просветительная работа, проводимая С. М. Михайловым, была связана с выездами в селения и уездные центры края и требовала денежных расходов. Однако ни местные власти, ни научные общества, куда неоднократно обращался за материальной помощью для ведения научных исследований С. М. Михайлов, не оказывали ему никакой поддержки. «Бедность сильно гнетет меня

¹ Протокол заседания АН от 12 сентября 1856 г. § 178. Архив Ленинградского отделения АН СССР, д. I, оп. 1-а, № 94.

с семейством...», — писал С. М. Михайлов о своем тяжелом положении. Лишь в 1860 году, после 30-летнего скитания по частным квартирам, он смог купить себе дом. Но и за него не в состоянии был уплатить полную стоимость. «Недостает у меня 100 руб. серебром для уплаты за дом, потому что я человек бедный, живу и дышу одними своими трудами, жалованье мое небольшое, которого едва достаёт мне с семьёй на дневную пищу», — сообщает он в одном из своих писем русскому историку Погодину М. П.

В последние годы жизни С. М. Михайлова его сочинения стали печататься редко, а некоторые капитальные труды затерялись в различных редакциях. Поэтому он был лишен и оплаты за свои труды. Не поддержал его материально и Комитет «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», а вознаграждение за свои сочинения, как видно из письма его жены от 21 января 1861 года, он так и не смог получить до своей смерти.

В таких условиях приходилось работать чувашскому просветителю С. М. Михайлову. Несмотря на все трудности этот «чиновник» царской канцелярии до конца своей жизни оставался борцом за просвещение и счастье своего народа. «Готов я идти по избранной стезе до могилы...», — писал он в одном из своих последних писем в 1860 году.

К сожалению, рано прервался его жизненный путь. Умер С. М. Михайлов в расцвете творческих сил, не дожив и до 40 лет. Скончался он скоропостижно, как указано в метрической книге о его смерти, 27(15) января 1861 года в г. Козьмодемьянске от паралича.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ С. М. МИХАЙЛОВА

Как историк, этнограф, писатель, просветитель, педагог и общественный деятель С. М. Михайлов формировался в пятидесятых годах XIX столетия.

Социальной основой его воззрений являлись общественно-экономические условия развития Чувашии в первой половине XIX века.

Однако, чтобы глубже разобраться в творчестве С. М. Михайлова и уяснить историческое значение оставленного им наследия, следует хотя бы кратко рассмотреть теоретические предпосылки, определившие характер его воззрения и деятельности.

В этом отношении особенно большой научный интерес представляет вопрос о том, какое значение в формировании взглядов С. М. Михайлова имели передовая общественная мысль России и передовая русская культура.

Отечественная научная, общественная, философская и педагогическая мысль и воззрения ее выдающихся представителей — М. В. Ломоносова, Г. Сковороды, А. Н. Радищева, А. С. Пушкина, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, А. И. Герцена, Т. Г. Шевченко, К. Д. Ушинского и других оказали огромное влияние на формирование прогрессивных взглядов всех передовых деятелей народов России. Отвергая антинародный и реакционный характер великорусской культуры правящих кругов России, лучшие представители нерусских национальностей развивались под благотворным влиянием русской демократической мысли.

Это влияние испытал и С. М. Михайлов. Источниками передовых идей ему служила демократическая литература. Кроме того, имело положительное значение и личное знакомство и общение с деятелями культуры и просвещения России. Сближение с русской передовой культурой способствовало повышению его культурного и теоретического уровня, углублению общественно-политических взглядов. Русская литература была для него лучшим источником знаний, хорошей школой, научившей его любить русский народ и возбудившей в нем интерес к науке и просвещению. Увлечение литературой у него появилось в раннем возрасте. Правда, в детстве его чтение носило бессистемный характер,

книги он читал без разбора, к тому же он и доставал их случайно.

В своем автобиографическом очерке С. М. Михайлов с удовлетворением отмечает, что после женитьбы¹ он принялся читать светские книги вдвоем с женой. «У тестя я прочитал «Полные анекдоты Петра Великого», «Потерянный рай», «Смерть Авелеву», «Тысячу и одну ночь» и прочие книги...» За книгами он ездил и шел в другие города и селения, выписывал их и, наконец, книгами снабжали его и деятели русской культуры, с которыми он был знаком или имел переписку.

С. М. Михайлов знакомится с творчеством М. В. Ломоносова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова и их предшественников Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, И. А. Крылова и других, проникается глубоким уважением и любовью к их творениям.

На формирование мировоззрения С. М. Михайлова большое влияние оказали произведения родоначальника русского просветительства М. В. Ломоносова. Он был знаком со многими его трудами, пользовался ими, даже цитировал их. Просветительские идеи великого русского мыслителя XVIII века, страстного защитника науки, вдохновляли чувашского просветителя в учебе и труде.

С большим интересом читал С. М. Михайлов произведения Г. Р. Державина, певца суворовских побед, «богатыря поэзии», крупнейшего предшественника и учителя А. С. Пушкина. С. М. Михайлов хорошо изучил его творчество, ценил его любовно-умиленные чувства к родному Поволжью, пропагандировал его труды среди чувашского народа. В своих сочинениях, письмах и дневниках С. М. Михайлов давал отдельные выдержки из произведений Державина.

¹ Женился С. М. Михайлов в 1843 г. на дочери ростовского мещанина, служившего в Козьмодемьянске поверенным по питейным делам. О жене — Екатерине Петровне он писал: «Жену я взял хотя и беденькую, но зато умную, рукодельную и грамотную».

С. М. Михайлов с увлечением читал произведения И. А. Крылова, содержание которых оказывало большое влияние на формирование его мировоззрения. Он делал выписки из басен Крылова, пользовался ими в своих произведениях.

С. М. Михайлов был хорошо знаком и с творчеством А. С. Пушкина. Под влиянием его книги «История Пугачевского бунта» он написал «Воспоминания чуваш о Пугачевщине». Это произведение было напечатано в газете «Казанские губернские ведомости».

К сожалению, мы не имеем списка всех прочитанных С. М. Михайловым книг, произведений и статей. Но даже то, что нам известно, подтверждает его разносторонние интересы.

Жадный к знаниям, С. М. Михайлов в поисках хороших книг обходил, как он пишет сам, десятки верст, постоянно посещал библиотеку Козьмодемьянского уездного училища. По свидетельству бывшего учителя-инспектора Козьмодемьянского городского училища К. С. Рябинского¹, в библиотеке училища имелись сочинения не только М. В. Ломоносова, Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, В. А. Жуковского и др., но и журналы «Современник», «Отечественные записки», «Журнал для воспитания», «Учитель» и др. В 1839 году в училище поступили такие руководства по вопросам воспитания и обучения, как книги А. Г. Ободовского: «Руководство к педагогике, или науке воспитания», «Руководство к дидактике, или науке преподавания». В 1840 году в училище был прислан «Нормальный курс для первоначальных наставников, или руководство к физическому и умственному воспитанию в первоначальных школах» барона Де-Жерандо, в 1860 году — «О первоначальном развитии умственных способностей» Анопкина и др. В этой же библиотеке С. М. Михайлов имел возможность знакомиться с прогрессивной литера-

¹ К. С. Рябинский. К 100-летию Козьмодемьянского городского училища, Казань, 1891.

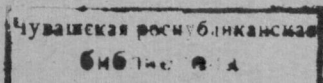
турой, в том числе с педагогическими произведениями К. Д. Ушинского, Н. И. Пирогова и др. Он регулярно читал газеты и журналы: «Казанские губернские ведомости», «Северный Архив», «Москвитянин», «Северная пчела», «Русский дневник», «Русский инвалид», «Русское слово», «Московские ведомости», «Современник», «Отечественные записки». Естественно, он не мог не обратить внимания на литературные и критические статьи революционных демократов и передовые идеи других представителей русской интеллигенции. Это способствовало расширению его кругозора, формированию общественно-политических, просветительных и педагогических взглядов.

Передовая русская литература помогала становлению С. М. Михайлова как просветителя-демократа, который в приобщении к русской культуре видел единственный путь борьбы с невежеством, безграмотностью своего народа, за его счастье.

Большой интерес проявил С. М. Михайлов к литературе об историческом прошлом русского, чувашского и других народов Поволжья. Он имел в своей библиотеке и основательно изучил капитальный труд Н. М. Карамзина «История государства Российского», являвшийся тогда новинкой в исторической науке.

Непосредственное влияние на С. М. Михайлова оказали передовые ученые Казанского университета, ректором которого работал гениальный русский ученый Н. И. Лобачевский. С некоторыми профессорами и сотрудниками этого университета С. М. Михайлов имел личное знакомство и вел переписку. Так, он был лично знаком с магистром русской истории, статистиком, археологом, этнографом А. И. Артемьевым, окончившим Казанский университет и работавшим там же. В 1844—1852 годах А. И. Артемьев редактировал «Казанские губернские ведомости», сотрудничал во многих газетах и журналах, в том числе в журнале Министерства народного просвещения. С. М. Михайлов

6970-К

Державка
Республиканская
БИБЛИОТЕКА УРСР
им. КИРС

переписывался с ним и часто обращался к нему за советом.

А. И. Артемьев первым в 1852 году начал печатать статьи С. М. Михайлова в газете «Казанские губернские ведомости» и, как указывает сам С. М. Михайлов, пробудил в нем «страсть к литературе».

Небезынтересно отметить, что именно статьи по вопросам просвещения, печатавшиеся в неофициальной части газеты, редактируемой А. И. Артемьевым, содействовали повышению у С. М. Михайлова интереса к вопросам истории, развития просвещения среди чувашского народа, побудили его к выступлению в печати по этим вопросам.

Своим благодетелем, беспрестанно ободрявшим письмами, призывающими не оставлять начатую просветительскую деятельность, называл С. М. Михайлов профессора И. Н. Березина, работавшего сначала в Казанском, а с 1855 года в Петербургском университетах. И. Н. Березин, как и А. И. Артемьев, снабжал его различной научной и художественной литературой, а в 1853 году на свои средства выпустил его книгу под названием «Чувашские разговоры и сказки»¹.

На формирование мировоззрения, научно-просветительских и педагогических идей С. М. Михайлова благотворное влияние оказал и П. С. Савельев — один из талантливых и высокообразованных востоковедов прошлого века. Письма С. М. Михайлова к П. С. Савельеву, а также написанный им некролог после его смерти подтверждают большую роль последнего во всей просветительской, научной и литературной деятельности С. М. Михайлова. *«Светлый его ум и чистая и бескорыстная любовь к науке (подчеркнуто Михайловым.— Д. Е.) не отказывались сблизиться с людьми низшего слоя, хотя труды мои и не заслуживали, может быть, такого внимания. Будучи мужем истинно просве-*

¹ С. М. Михайлов. Чувашские разговоры и сказки. Казань, 1853.

ценным, Павел Степанович в сношениях своих со мною не рассчитывал моего звания, ни племени и дальнего своего расстояния, как рассчитывают в том мелочные люди, скитающиеся во мраке невежества, а признавал меня за такого же человека, каков есть и сам он...» — писал о нем С. М. Михайлов. Он называл его своим «благодетелем и покровителем», который «вызывал, направлял и поощрял» его «к просвещенной деятельности».

Тесную связь С. М. Михайлов поддерживал со своим народом. Неизгладимый след в его памяти оставили детские годы, проведенные в родной деревне. Добродушные крестьяне, скромные и любящие своих детей родители с малых лет внушали членам семьи идеи человеколюбия, призывали почитать старых людей, свято хранить честь семьи, защищать слабого, помогать нуждающимся, любить труд. Навсегда С. М. Михайлов запомнил жизнь и быт чувашского села, народные праздники с их радостями, игры сельской молодежи, танцы, песни, сказки, предания.

Но не только родную деревню, родные края помнил с детских лет С. М. Михайлов. Умный и впечатлительный мальчик не мог не видеть тех диких насилий, которым подвергались в те времена его соплеменники. Пытливый мальчик слушал разговоры крестьян, видел их недовольство существующими порядками. А впечатления детства, как указывала Н. К. Крупская, «оставляют след на всю жизнь»¹. Детские переживания, по ее словам, влияют на весь дальнейший уклад, на всю дальнейшую работу человека, хотя часто они и остаются в области подсознательной. Человек может забыть о них, но они, помимо его воли, часто определяют его поступки.

С. М. Михайлов всю жизнь помнил свое детство, не забывал родную деревню, часто посещал ее, беседовал там со стариками и молодежью. Работая

¹ Н. К. Крупская. Педагогические сочинения, т. 6, М., изд. АПН РСФСР, 1959, стр. 29.

переводчиком в земском суде гор. Козьмодемьянска, он все время общался с чувашскими, марийскими и русскими крестьянами, никогда не сторонился их, при возможности старался всячески помочь им советом. В разъездах по чувашским селам и деревням он внимательно знакомился с бытом крестьян, стремился узнать их нужды, словно отзываясь на слова своего современника Н. А. Добролюбова о том, что «...обязаны мы знать внутреннюю жизнь народа, если хотим что-нибудь сделать для его просвещения»¹.

У родного народа С. М. Михайлов собирал произведения устного народного творчества, глубоко изучал их. Идеиная и философская основа богатейшего чувашского фольклора, сложившегося в процессе многовековой непрерывной борьбы народных масс, явилась одним из могучих источников формирования мировоззрения С. М. Михайлова, его просветительских и педагогических взглядов. Без использования народного творчества, его лучших произведений С. М. Михайлов не смог бы стать одним из талантливых деятелей культуры и просвещения своего народа, потому что, как указывал М. И. Калинин, «самые даровитые поэты, самые талантливые композиторы становились гениями в своем творчестве только тогда, когда они соприкасались с народным творчеством, когда они обращались к его истокам»².

В формировании мировоззрения С. М. Михайлова важная роль принадлежит той историко-политической действительности, в условиях которой он рос и трудился.

Социальная несправедливость, уродливые формы насилия над человеком, дикие нравы и обычаи, особенно царившие в судебных органах (взятки, поборы, вымогательства с подсудимых и прочее

¹ Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в трех томах. Т. I, Гослитиздат, М., 1950, стр. 588—589.

² М. И. Калинин. О задачах советской интеллигенции. Госполитиздат, М., 1939, стр. 65—66.

лихоимство), с которыми постоянно сталкивался С. М. Михайлов, в большой степени определили направление его общественно-политических взглядов. Как справедливо указывает член-корреспондент Академии педагогических наук СССР профессор М. Я. Сироткин, они «развили и укрепили в С. М. Михайлове глубоко отрицательные взгляды к казенным порядкам и сочувственное отношение к угнетенной массе чуваш, марийцев и русских, населявших местный край»¹.

Названные выше условия историко-политической действительности и выработали у С. М. Михайлова демократически-просветительское мировоззрение, основными чертами которого являлись критика существующих порядков феодально-крепостнического строя, защита интересов трудящихся, главным образом крестьян, борьба за просвещение народа.

В. И. Ленин в статье «От какого наследства мы отказываемся?», характеризуя основные черты русских просветителей 60-х годов XIX столетия, указывал, что они были охвачены «...горячей враждой к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя», — это отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние и искреннее желание содействовать этому»².

¹ М. Я. Сироткин. Очерки дореволюционной чувашской литературы. Чебоксары, 1967, стр. 20.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 519.

Отмеченные В. И. Лениным черты просветительства во многом присущи и С. М. Михайлову. Чувашский просветитель в условиях своего края не только сочувственно относился к угнетенной массе народа, но критиковал существовавшие порядки, порождавшие такие уродливые явления, как бесчинства и произвол местных властей в деревнях; осуждал невежественные обычаи, нравы, предрассудки и суеверия, широко распространенные в его время. Страстно призывая народ к ликвидации отсталости и бескультурья, к общественному прогрессу, он по существу выступал против патриархально-феодальных порядков — главного тормоза развития чувашского народа.

«Предпоставленные власти дурно управляют чувашским народом... добродетель не награждается, а порок не наказывается... церкви и священники поставлены собственно для притеснения их (чуваш.— Д. Е.), ...местные власти во зло употребляют распоряжения правительства...» писаря и старшины сами являются «первыми притеснителями и бывают примером для разврата... не говоря о лицах, занимающих высшие инстанции...» — вот краткая характеристика, данная С. М. Михайловым существующим порядкам, которые подчас даже вынуждали чуваш покончить жизнь самоубийством. В «Автобиографическом очерке» он подчеркивает, что власти «бьют и терзают чуваш». Разоблачая систему судопроизводства в чувашской деревне примерами из судебных дел, чувашский просветитель отмечает, что «такой суд, конечно, есть уже Шемякин суд и противен здравому смыслу», он является доказательством того, что «правосудия в местных властях нет».

Заслуга С. М. Михайлова состояла в том, что он не только описывал тяжелое положение трудового народа, но и выражал, иногда устами своих героев, протест против существующих порядков. Особенно характерны в этом отношении его произведения «Разговор на постоялом дворе», «Разговор дедушки Ивана с Григорием», «Село Ишаки», в ко-

торых автор бичует взяточничество, сутяжничество, паразитизм, духовную нищету вершителей судеб чувашского народа.

В произведении «Село Ишаки» С. М. Михайлов показывает, что, не выдержав тяжелой жизни, многие из чуваш села Ишаки и других окрестных деревень вынуждены были переселиться в Оренбургскую губернию.

Однако защитник интересов трудового народа, просветитель-демократ С. М. Михайлов не только выражает протест против существующих порядков и критикует притеснителей народных масс. Он старается содействовать крестьянам в защите их интересов. К нему обращались за советами бедняки, не находившие нигде правды и справедливости, у него искали защиты женщины от издевательств, насилий и оскорблений. С. М. Михайлов, по возможности, заступался за них, помогал им советом и составлением обоснованных жалоб на притеснителей, хотя он знал, что представители имущих классов за все это ненавидели его, хотели от него избавиться, отправив его незаконной уловкой в рекруты.

Как переводчику чувашского языка С. М. Михайлову пришлось участвовать в судебном процессе по делу известного Акрамовского восстания чувашского крестьянства в мае 1842 г. Как указывает исследователь истории этого восстания П. Г. Григорьев, переводы показаний некоторых участников восстания на русский язык делались С. М. Михайловым так, чтобы хоть немного облегчить их положение¹. С. М. Михайлов был всего лишь переводчиком, и тем не менее его помощь соплеменникам трудно переоценить. Взгляды, стремления и дела чувашского просветителя определяются не только степенью его участия в тех или иных событиях, или его отношением к отдельным событиям и фактам. Мысли, выводы, сделанные С. М. Михайловым по различным вопросам общественной жизни, были более

¹ П. Г. Григорьев, С. М. Михайлов. Краткий очерк о жизни и деятельности (на чувашском языке). Чебоксары 1960, стр. 26.

зрелыми и значительными, чем то, что он смог достигнуть и осуществить в своей практической деятельности.

Ознакомление с письмами, статьями и произведениями С. М. Михайлова позволяют нам установить его демократические взгляды по многим вопросам экономической и духовной жизни общества.

Особенно характерным в этом отношении является его труд «Отчего чуваша давятся и какие меры должно принять правительство для предупреждения этого явления?»¹.

Само название указанного труда кратко характеризует его содержание. По данным С. М. Михайлова, за период с 1843 по 1850 год по Казанской губернии из чуваш покончили жизнь самоубийством 42 человека. Лишили себя жизни от: страха — 12, болезни — 8, печали и тоски — 5, задумчивости — 1, бедности — 4, потери рассудка — 1, отчаяния — 1, несогласованной жизни жены с мужем — 1, пьянства — 1, прочих причин — 18 человек.

Однако буржуазные социологи, этнографы и писатели — современники С. М. Михайлова — не хотели искать истинных причин таких смертей, этому прискорбному явлению они придумали даже свое объяснение, заключающееся в том, что чуваша вешаются во дворах своих неприятелей якобы для причинения им беды, не зная другого мщения своим врагам. Как пишет С. М. Михайлов, подобное объяснение давали также казанская писательница А. Фукс и этнограф В. Сбоев.

В своем труде С. М. Михайлов отвергает это объяснение. Он считает, что такое ложное описание делается для того, «чтобы посмешить читателей и защитить олбутов (господ и властей)». «Так как поборники просвещения и правды требуют откровенно высказать истину, не скрывать общественных язв, — пишет С. М. Михайлов, — то я объявляю чистосер-

¹ С. М. Михайлов. Отчего чуваша давятся и какие меры должно принять правительство для предупреждения этого явления? Архив Ленинградского отделения АН СССР, р. IV, оп. 1, ед. хр. 946, лл. 1—11.

дечно, что чувашаи погашают жизнь самопроизвольно через повешенье или другими средствами решительно от рабства и непросвещения...»

В вышеизложенном труде С. М. Михайлов не ограничивается только раскрытием истинных причин гибели чувашских крестьян, а дает развернутую программу, предусматривавшую важнейшие мероприятия по преобразованию общественной жизни.

Одним из главных условий устранения «общественных язв» он считал необходимость просвещения своего народа, полагая, что только с помощью просвещения люди поймут отсталость родного края, сумеют познать порочные явления общественной жизни и вести борьбу с ними. С. М. Михайлов считал, что просвещение делает человека способным отстоять себя от притеснений и посягательств злонамеренных, подлых людей, так как грамотные люди знают и законы, порядки и потому не будут «лишать себя жизни самопроизвольно», а смогут бороться против беззакония и несправедливости.

В основу данного вывода С. М. Михайлова легли конкретные события действительности. Это можно подтвердить фактами, описанными им в «Автобиографическом очерке». В нем он пишет:

«Один чиновник, который управлял у нас чувашами, по питаемой ко мне злобе за то, что я не поступил на службу под его влияние, сильно напал на меня и взялся во что бы то ни стало отдать меня в солдаты». Как сообщает далее автор, по существовавшим законам он не подлежал рекрутскому набору. С. М. Михайлов, благодаря своей грамотности, сумел доказать свою правоту и добиться того, что «злодей (чиновник. — Д. Е.) был уволен от службы за дурные дела».

С. М. Михайлов считал, что незнание, невежество являются источником страданий, бедствий, гибели трудящихся масс, источником общественных пороков. Ликвидация невежества, по его мнению, является главным условием борьбы с общественным злом. Разумеется, этот путь был ошибочным, так как главные условия устранения отживших обще-

ственных пороков заключались в необходимости уничтожения эксплуататорского строя. Но для своей эпохи выступление С. М. Михайлова за просвещение, против невежества, отсталых предрассудков, на которых держались общественные порядки того времени, своим острием было направлено против самодержавно-крепостнического строя.

Для характеристики мировоззрения С. М. Михайлова в целом, а также его идей по вопросам воспитания немаловажное значение имеют зафиксированные в вышеуказанной программе мероприятия, которые должны, по мнению С. М. Михайлова, осуществляться правительством. Вот некоторые из них:

1) «На должность голов и писарей выбирать людей с хорошими качествами, а не испорченной нравственности, какие большей частью ныне занимают эти должности».

2) Местные власти должны «обращаться с инородцами благоразумно, поставить себя примером; с ними не пьянствовать и их не притеснять и не обманывать на каждом шагу, а напротив, стараться сколь возможно привлекать от них к себе доверие и тем заслужить уважение народа...»

3) «Стараться о водворении между ними (чуваши. — Д. Е.) добрых нравов и всякую вражду или ссору прекращать миролюбием», а так называемых «коштанов или ябедников, живущих на мирской счет, и всех обманывающих постепенно истреблять» (курсив наш. — Д. Е.).

4) «Внушать инородцам все законные правила, издаваемые касательно их благосостояния и преимуществ, а не скрывать их от народа».

5) «Бедным оказывать вспомоществование, выдавая ссуду — из магазеев хлеба и из мирского капитала — денег по правилам...»

Даже приведенные пункты программы С. М. Михайлова показывают, что ее автор был подлинным демократом. Однако ясно, что в условиях царизма его предложения о демократизации порядков не могли быть осуществлены. Но важно отметить, что просветитель-демократ даже в условиях жестокого

деспотизма осмелился выдвинуть требование о необходимости улучшения порядков в стране. Это свидетельствует о прогрессивности его взглядов на общественные явления.

Вместе с тем нельзя не отметить ограниченность мировоззрения С. М. Михайлова, противоречивость его взглядов. Это объясняется тем, что у него, как и у большинства просветителей его времени, не выработалось еще понимание вопроса о классовой непримиримости интересов эксплуататоров и эксплуатируемых; поэтому он, как правило, выступал не против царизма как политической системы, не против господствующих классов как таковых, а против испорченных в нравственном отношении, обманывающих народ на каждом шагу, плохих представителей власти.

Хотя С. М. Михайлов выдвинул подлинно демократическое требование — освободиться от эксплуататоров: так называемых «коштанов и ябедников, живущих на мирской счет, и всех обманывающих постепенно истреблять», но дальше этих слов он не пошел, прямого призыва к свержению царского самодержавия в его работах нет.

Различие между трудовым крестьянином, бурлаком, рабочим, с одной стороны, и богатеем, чувашским аристократом, капиталистом С. М. Михайлов, оставаясь идеалистом по своему мировоззрению, надеялся устранить мирными средствами, переделкой сознания тех и других путем просвещения, путем внедрения «человеческих» доброжелательных, высokonравственных, взаимоотношений, используя в этих целях и церковь. Это было его большим заблуждением.

Разумеется, выдвинутые С. М. Михайловым идеи не могли привести к коренным социальным преобразованиям. Эта была мечта просветителя-демократа, который не видел, да и не мог видеть внутренних причин, определяющих общественную жизнь и ее развитие.

Следовательно, С. М. Михайлов в своем развитии не поднялся до материалистического понимания

движущих сил общественного развития, хотя в отдельных случаях стоял на позициях стихийного материализма. Не в развитии производства материальных благ, а в просвещении и образовании, развитии культуры, литературы, искусства он видел главную движущую силу развития общества.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С. М. МИХАЙЛОВА

Деятельность Спиридона Михайловича Михайлова была действительно многогранной: он — историк и этнограф, краевед и статистик, фольклорист и литератор, писатель, поэт и переводчик, просветитель, педагог и общественный деятель. Но при всем этом главным в его жизни была просветительская деятельность. Именно в этой области он оказал чувашскому народу наибольшую пользу. Все другие стороны его деятельности, как бы они ни были плодотворны и эффективны, по отношению к его просветительской работе играли подчиненную роль. Повидимому, этим объясняется то, что в одном из писем А. И. Артемьеву цель своей жизни С. М. Михайлов выразил в следующих словах: *«Все мои мысли, все мои желания клонят к тому, чтобы... своих единоплеменников повлечь за собой. Будет уже жить им в невежестве!»*. Эти слова С. М. Михайлова звучат как клятва, ибо большую часть своей жизни он посвятил борьбе с невежеством и темнотой, за развитие культуры, просвещения и школьного образования среди своих единоплеменников.

Просветительская деятельность С. М. Михайлова может быть правильно и по достоинству оценена только при том условии, если будет учтено состояние просвещения и школьного дела в Чувашии до его эпохи.

В первой половине XIX века культура, просвещение и школьное дело в царской России находились в жалком состоянии. Особенно ужасным это состояние было во время царствования Николая I.

По словам современника С. М. Михайлова революционера-демократа Н. А. Добролюбова, Николай I не знал России, цензурой сковал в ней просвещение, как паук сосал кровь подданных и все силы напрягал для уничтожения их стремлений и надежд¹.

Политику господствующих классов России в области просвещения нерусских народов ярко выразил в 1831 году один из прислужников царизма жандармский полковник Маслов. Шефу жандармов графу Бенкендорфу он с циничной откровенностью писал: «...Опыты всех времен доказывают, что легче всего управлять народом невежественным, нежели получившим хотя бы малейшее просвещение истинное и сколько нужно и должно поселянину. На основании сего правила начальствующие чувашами всеми силами способствуют дальнейшему распространению невежества...»². Царское правительство проводило политику насаждения тьмы и невежества среди всех народов России, но указанный документ является свидетельством того, насколько ярко она проявлялась в отношении нерусских народов, в том числе чуваш. Кроме того, царское правительство всячески препятствовало проникновению на так называемые «окраины» страны прогрессивной культуры, оно проводило принцип насильственного «обрусения» нерусских национальностей.

В книге И. Чернова «Указатель Казани или Памятная книжка для жителей Казанской губернии за 1840 год», хорошо известной чувашскому просветителю С. М. Михайлову, приводятся, например, такие данные: в 1838 году по всему Казанскому учебному округу было 10 гимназий, 68 уездных училищ, 108 приходских и волостных школ, 3 частных пансиона, в которых работало 890 учителей и обучалось только 13768 учеников. Количество учебных заведений в губерниях, населенных нерусскими народами

¹ Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в девяти томах, т. 1, М.-Л., ГИХЛ, 1961, стр. 102.

² Цитируем по книге И. Д. Кузнецова. «Очерки по истории и историографии Чувашии», Чебоксары, 1960, стр. 128.

ми, даже к середине XIX века составляло лишь мизерную долю. В чувашских удельных селениях школы начали открываться только в 1838—1839 годах, а в селениях государственных крестьян — в 1840 году, но и они открывались очень мало и не пользовались доверием народа.

Преподавание в чувашских школах велось только на русском языке. В методах обучения царила полная неразбериха. Бессмысленный, мучительный для детей процесс обучения, унижительно жестокая дисциплина, большие материальные расходы родителей на обучение детей — все это отталкивало население от школы.

Но главной причиной слабого развития школьного образования не только в Чувашском крае, но и во всей России являлось то, что царское самодержавие вообще не было заинтересовано в просвещении трудового народа. Оно, как писал В. И. Ленин, выступало как «величайший враг народного просвещения»¹.

Против правительственной политики в области просвещения в стране развернулось большое общественное движение, в котором немаловажную роль сыграл и чувашский просветитель С. М. Михайлов.

Просветительская деятельность С. М. Михайлова проходила в следующих направлениях: глубокое изучение состояния просвещения и школьного дела среди чуваш и других нерусских народов Поволжья и раскрытие важнейших причин неудовлетворительной постановки обучения и воспитания детей трудящихся; борьба за открытие школ для чувашских и марийских детей; разработка организационных мер для улучшения воспитательной и образовательной работы в школах; практическая деятельность по обучению детей; работа по созданию художественных произведений и дидактических рассказов для детей и молодежи; исследование истории, этнографии чуваш, марийцев, русских и распространение

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 132.

научных знаний среди молодежи; разработка теоретических вопросов воспитания и образования чувашской молодежи.

Глубокое изучение состояния просвещения и школьного дела среди чуваш и других народов Поволжья являлось важной основой в выработке взглядов С. М. Михайлова на образование детей трудящихся и разработке практических мероприятий по его улучшению.

Чувашский просветитель на протяжении всей своей жизни интересовался состоянием просвещения, сущностью школьной работы и бытом детей. Он читал литературу по этим вопросам, внимательно изучал педагогический опыт народа по воспитанию детей, непосредственно знакомился с работой школ на местах, встречался с учителями, родителями, советовался с ними. Он большое внимание обращал на выяснение причин безграмотности народных масс и выявление условий, которые могли способствовать борьбе с невежеством и темнотой чувашского народа. С. М. Михайлов понимал, что из-за отсутствия школ дети трудового народа из чуваш вообще не имеют никакой возможности для получения даже начального образования. В деревнях, населенных чувашами, почти не было грамотных людей, умеющих хотя бы читать и писать. Чувашский просветитель, сам с большими трудностями сумевший получить образование в уездном городе Козьмодемьянске, анализируя состояние образования среди чуваш к началу 30-х годов XIX века, писал: «В тогдaшнее время чувашаи грамотность считали за великую науку, совершенно недоступную их детям, так как между чувашами грамотеев почти никого не было, а если были кое-какие, то волостные писаря... отдавали их в солдаты для искоренения грамотности между чувашами»¹.

¹ С. М. Михайлов. Автобиографический очерк. Записки Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, выпуск 4, Чебоксары, 1950, стр. 246.

В то же время С. М. Михайлов указывал, что из-за отсутствия грамотных людей в чувашских уездах не открываются даже сельские правления. Так, например, по Ядринскому уезду требовалось 36 писарей, но ввиду недостатка их там было открыто лишь девять сельских правлений. Из них, как пишет С. М. Михайлов, только в одном работал писарем чуваш. Такое же положение было и в других уездах края.

Данные С. М. Михайлова свидетельствуют о том, что по сравнению с имущими классами трудовой народ даже в городе мог лишь мизерное количество своих детей отдавать в училище: если из числа дворянского населения обучался каждый 8-й человек, купеческого — каждый 15-й, то из числа крестьянского — лишь каждый 81-й.

Жалкое состояние обучения детей грамоте С. М. Михайлов старался смело показывать во многих своих произведениях. Так, например, в труде «Статистические очерки Козьмодемьянского уезда» анализу грамотности и критике постановки образования чуваш и мариЙцев он посвятил специальный раздел «Степень образованности», который поместил в газете «Казанские губернские ведомости» (1854 г., № 40, часть неофициальная). На примере одного уезда здесь убедительно показывается ужасная картина степени образованности и охвата начальным обучением молодежи. Он писал: «В 1850 году в Козьмодемьянском уезде всего проживало 73846 человек, из них грамотных людей было всего 770 человек. Следовательно, принимая в расчет общее число населения во всем уезде, грамотность составляла 1 процент». В городе Козьмодемьянске в 1852 году функционировали одно уездное и одно приходское училища, в которых обучалось 105 человек.

Еще хуже обстояло дело с обучением детей в сельской местности. Как указывает С. М. Михайлов, в уезде было только семь приходских училищ для государственных крестьян. В них обучалось 198 человек, из них мальчиков 187, а девочек только 11! Итого во всем уезде обучалось, таким образом,

303 человека. Число учащихся к общему количеству населения относилось как 1 : 260.

Если более внимательно присмотреться к этим данным и анализировать отдельно грамотность сельского населения, а также отношение числа обучающихся к общему количеству сельского населения, то можно увидеть следующую картину:

грамотность сельского населения	— 0,3%,
отношение числа обучающихся к общему количеству сельского населения	— 1 : 370.

Подобная картина поголовной безграмотности трудового населения из чуваш и марийцев была не только в Козьмодемьянском, но и в других уездах Казанской губернии. В Ядринском уезде, например, до 1843 г. ни училищ, ни школ не было. В 1844 году в открывшихся четырех школах уезда (Шуматовской, Оточевской, Убеевской, Русско-Сорминской) всего обучалось 68 человек, к 1845 году число обучающихся в сельских школах дошло до 80. Как видно из приведенных данных, в Ядринском уезде количество обучающихся в школах было даже меньше, чем в Козьмодемьянском уезде. Поэтому С. М. Михайлов с горечью и досадой повторял общеизвестную чувашскую поговорку: «Чувашскую книгу корова съела».

В своих произведениях чувашский просветитель на конкретных примерах показывал бездеятельность представителей царизма, местных органов власти по просвещению чуваш. «Местные власти... не обращают внимания», — писал он, объясняя причины отсутствия школ в чувашских селениях.

С. М. Михайлов подчеркивал, что местные власти и духовенство сознательно тормозят расширение грамотности среди молодежи. «Утвердительно могу сказать, что писаря, старшины и некоторые из духовенства вместо прилежания к просвещению чуваш стараются как можно продолжать в них закоренелое невежество, дабы они с постепенным образованием не могли перебить им дорогу на пути тунеяд-

ства и проч...»¹. Для доказательства своего вывода он приводит следующий пример: «Назад тому около 30 лет, до открытия еще в приходах училищ, у одного чувашина было 5 сыновей, из них третий в детстве возымел сильную страсть к русской грамоте: не проходило дня, чтобы он с плачем не просил своего отца отвезти его к одному знакомому гражданину... Здесь чувашский мальчик, выучивши церковную азбуку и псалтырь под влиянием одной старухи, желал дальнейшего образования, но благодетель его, гражданин помер... Пылкий юноша, обучившись кое-где... по неимению покровительства и средств, поступил к одному благородному человеку, принявшему в нем некоторое участие, у коего усовершенствовавши в письме, ознакомился несколько с канцелярским порядком. Потом избран в одно присутственное место на должность, соответственно его званию, служит 15 лет... занимаясь и своею службою и полезными сочинениями для науки. Но всего этого добился он без покровительства, руководства и средств... Зато сколько же перетерпел сей чувашин в юности притеснений от мелкой аристократии!.. Не говоря здесь о мелочах, скажу только, что его три раза назначали в солдаты...» Подобные трудности на пути к образованию С. М. Михайлов, как видно из его «Автобиографического очерка», написанного, по его признанию, для истории своего образования, испытывал и сам. Не только беззаботность органов власти в просвещении чуваш, но и всяческие сознательные противодействия их в распространении грамотности среди народа, по мысли С. М. Михайлова, тормозили развитие образования у его единоплеменников.

По свидетельству чувашского просветителя, препятствием к обучению крестьянских детей во многом являлись также бедность их родителей, отсутствие средств. «Чтобы содержать одного мальчика в училище, нужно двух отдать в заработки», — не

¹ Архив Ленинградского отделения Академии наук СССР, р. IV, от. I, ед. хр. 946, л. 7.

зря говорили крестьяне. Зависимость образования чуваш от их материальной обеспеченности, наличия средств, справедливо подчеркнутая С. М. Михайловым, впоследствии отмечал и В. К. Магницкий. В 1864 году в газете «Казанские губернские ведомости» он писал: «Мы не сомневаемся, что если бы была стипендия обучающимся, в гимназиях не замедлили бы явиться и чуваша, а из гимназии недалеко — в университеты».

С. М. Михайлов в своих произведениях не ограничивался показом и раскрытием причин потрясающей картины школьного обучения чуваш. Убежденный в том, что всюду трудовой народ находится в темноте и невежестве, он в силу своих возможностей лично оказывал помощь народу в борьбе за его просвещение.

Борьбу за открытие школ в сельской местности он ставит на первое место, смело пишет об открытии школ и в своих письмах, и статьях, печатавшихся в газетах и журналах.

Анализ статей и многочисленных других материалов С. М. Михайлова показывает, что он был инициатором открытия ряда школ в чувашских селениях 40—60-х годов XIX в. В своей статье «Село Чемеево» он, например, писал о необходимости открытия школы в чувашском селе Чемеево (ныне входит в Моргаушский район). «В селе Чемеево никаких хозяйственных заведений и общественных учреждений нет, но следовало бы здесь открыть приходское училище для обучения грамоте чувашских детей... здесь бывает большое стечение инородцев. Мне известно, что чувашские дети в подобных приходах лучше учатся, чем в других обыкновенных селениях, имеющих училища...»¹, — писал С. М. Михайлов. Виновниками того, что «доселе» здесь не открыта школа, он считает местное начальство и духовенство, которые не обращают никакого внимания на образование чуваш.

¹ С. М. Михайлов. Село Чемеево в Ядринском уезде «Каз. губ. вед.», часть неофициальная, № 9, 1858.

С. М. Михайлову принадлежит большая заслуга и в открытии школы в селе Ишаки Козьмодемьянского уезда (ныне Чебоксарского района). Открытая ранее в этом селе школа просуществовала совсем недолго. Старания чувашских крестьян по возобновлению работы школы не дали положительных результатов, так как они не нашли поддержки властей. Тогда С. М. Михайлов решился выступить в защиту крестьянских детей села Ишаки в печати. В статье «Село Ишаки» он писал: «В недавние годы существовало в Ишаках приходское училище для воспитания инородческих детей. К сожалению, ныне оно закрыто, а в прочих селах, как-то: Акрамове, Ильинской Пустыни, Кожваших и Черемышеве — существуют училища до сего времени. Между тем здесь непременно следовало бы открыть училище».

Старания просветителя чувашского народа и его статья о необходимости открытия школы в селе Ишаки, наконец, вынудили власти возобновить работу Ишакской школы.

С. М. Михайлова глубоко волновало отсутствие возможностей обучения грамоте крестьянских детей непосредственно его местности. Школ не только здесь, но и в окрестностях почти не было. Об открытии школы в таком небольшом населенном пункте, как Юнгапоси, где еще не было церкви, местные и вышестоявшие органы власти не хотели даже и слышать. Тогда С. М. Михайлов решил сам организовать обучение крестьянских детей своей деревни. Обучал он их в доме своего отца. Ядро школы, созданной по типу школы-семьи, состояло из четырех учащихся, в числе которых был и младший брат создателя школы — Николай.

Первым учебным пособием для учащихся служил рукописный чувашский букварь, составленный самим С. М. Михайловым.

Для освещения работы школы-семьи С. М. Михайлова достаточных документальных данных не имеется. Но бесспорным является то, что создание очага просвещения в чувашской деревне, где он сам родился и провел детские годы, несмотря на непро-

должительное его существование, было знаменательным событием для всех его односельчан. В школе С. М. Михайлов сам научил несколько человек читать и писать, тем еще более усилил тягу крестьянских детей к образованию.

Педагогической деятельностью С. М. Михайлов занимался и в городе Козьмодемьянске, где он обучал грамоте свою родственницу Феодосию.

Поднимая вопросы открытия школ для чувашских детей, разрабатывая прогрессивные меры по улучшению их обучения, чувашский просветитель и педагог С. М. Михайлов заботился и о просвещении других нерусских народов Поволжья, и в первую очередь марийцев. Он глубоко интересовался состоянием просвещения детей дружественных чувашам марийских крестьян, стремился хоть немного способствовать улучшению школьного дела среди них. В этом отношении большой интерес представляет предложение С. М. Михайлова о создании центральных школ для обучения чувашской и марийской молодежи Козьмодемьянского уезда. Такими школами он хотел сделать Ишаковскую — для чуваш, Черемышевскую — для марийцев. С. М. Михайлов писал: «Село Ишаки лежит на восточной стороне Козьмодемьянского уезда, а село Черемышево-Еласы на западной... С возобновлением в Ишаках приходского училища одно из них (Ишаковское.— Д. Е.) просвещало бы на востоке чуваш, а другое (Черемышевское.— Д. Е.) на западе — черемис»¹.

Конечно, занимая незначительную должность мелкого чиновника уездного масштаба, С. М. Михайлов не мог оказать большого влияния на расширение сети чувашских и марийских школ, но его высказывания, статьи в печати по этому вопросу, безусловно, сыграли немалую роль в открытии школ не только в селениях Ишаки, Чемеево, Юнги-Ядри-

¹ С. М. Михайлов. Село Ишаки. «Каз. губ. вед.», 1857, № 10—12.

но, но и в ряде других деревень, населенными чувашами и марийцами.

С. М. Михайлов не только боролся за открытие школ для обучения детей и молодежи, но и разрабатывал меры для улучшения школьного обучения. В этом отношении большой интерес представляет его трактат «О сельских приходских училищах и об успехе учения в них инородческих детей»¹, написанный в 1857 году. Трактат этот, надо полагать, был написан по заданию центральных научных учреждений. Как сообщает С. М. Михайлов в своей статье «Село Чемеево в Ядринском уезде», эта обширная статья о сельских приходских училищах и об успехе учения в них инородческих детей была представлена им и в Русское географическое общество. В своем трактате чувашский просветитель, анализируя состояние обучения детей в школах ведомства Министерства государственных имуществ, высказал ряд важных прогрессивных мыслей об улучшении образования чувашской молодежи.

Как и всех прогрессивных деятелей культуры и просвещения России, С. М. Михайлова волновали не только общее состояние просвещения, но и постановка учебно-воспитательной работы в школах.

В школах его времени детей в продолжение нескольких лет учили азбуке, механическому чтению, письму и чистописанию, заставляли заучивать часослов и псалтырь без всякого понимания их текста. Учение было не только убогое по своему содержанию, но и насильственное, суровое. Грубая брань, жестокие побои, розги и всяческие истязания признавались тогда необходимыми для усвоения «горького корня учения». Нужно было, по тогдашним «педагогическим» убеждениям, с детства сломить в человеке его волю, чтобы он до старости оставался покорным воле «господина».

Новейшие способы обучения грамоте были уже

¹ К сожалению, полный текст сочинений С. М. Михайлова «О сельских приходских училищах и об успехе учения в них инородческих детей» не найден, сохранились лишь черновые наброски.

известны, но до чувашских школ они редко доходили. Буквослагательный метод, требовавший много времени для обучения чтению, догма и убийственная зубрежка в преподавании всех предметов, механическое заучивание наизусть исключали возможность развития у учащихся способности самостоятельно мыслить, решать те или другие теоретические и практические вопросы.

С. М. Михайлов, разумеется, понимал, что в учебно-воспитательной работе школ важная роль принадлежит учителю. Не имея никаких официальных прав и полномочий, он посещал школы, встречался с учителями и беседовал с ними во время своих приездов в деревни; нередко за советами ездили к нему в Козьмодемьянск и сами учителя. С некоторыми он поддерживал письменную связь, давал им советы, высылал свои произведения, получал от них необходимые ему сведения и данные, материалы для дальнейшей разработки вопросов воспитания и образования. В целях наиболее глубокого изучения школьного дела и выработки более радикальных мер по его улучшению он изучал работу чувашских, марийских, а также русских школ.

Будучи в селе Подберезье Свияжского уезда, например, он обратил внимание на местное училище, которое назвал рассадником грамотности между государственными крестьянами уезда. С. М. Михайлов отмечает, что в распространении грамотности в селе Подберезье огромную роль сыграл основатель, учитель и попечитель училища крестьянин Андрей Захаров. Хотя Андрей Захаров умер, а каменное здание училища сгорело, указывает он, но доброе дело крестьянина долго живет в народе. Обгорелое здание школы является, по словам С. М. Михайлова, «памятником добрых дел крестьянина Захарова, увенчанное высочайшей наградой». В заключение своей статьи об этой школе С. М. Михайлов пишет: «Жаль, что эти руины (сгоревшего здания.— Д. Е.) не восстановлены».

Личность и деятельность учителя-наставника, по убеждению С. М. Михайлова, является решающей

в воспитании и обучении. Поэтому в период, когда духовная жизнь народа была подчинена церкви, он мужественно выступил с требованием об освобождении сельских школ от священников. Указывая, что в большинстве случаев должности учителей-наставников занимают священники, С. М. Михайлов о них писал: «Большая часть наставников не занимается, как должно, своими учениками, другие по целому месяцу не бывают в классах, и даже из них есть такие, что двери училища постоянно находятся на замке». Педагог, по-видимому, понимал, что духовенство, имевшее большое влияние на развитие народного образования, смотрело на школу не с просветительских целей. Лишь отдельные из них проявляли заботу об устройстве школ, стремясь тем самым захватить в свои руки руководство делом просвещения. Духовенство рассматривало дело образования крестьянских детей как источник побочного дохода. «Можно сказать,— подчеркивал С. М. Михайлов в труде «О сельских приходских училищах и об успехе учения в них инородческих детей»,— что они (священники.— *Д. Е.*) числятся наставниками для одного жалованья». В то же время он подчеркивал, что «у наставников-семинаристов мальчики учатся очень хорошо, потому что они постоянно могут ими заниматься в классах...» Священники, занимавшие должность наставника, зачастую обучение детей вместо себя поручали пономарям, дьяконам, причетникам, богомолкам и только формально поддерживали существование школы. Ясно, что от такой работы нельзя было ожидать хороших результатов. Поэтому С. М. Михайлов писал, что священники «не могут с успехом преподавать им (ученикам.— *Д. Е.*) учение, и в таком случае весьма редкие из мальчиков выходят смышленные». Все это побудило у чувашского просветителя и педагога С. М. Михайлова мысль о необходимости создания для крестьянских детей вместо существовавших сельских приходских училищ школ на иных, новых основах, а именно: учителей в эти школы назначать не из церковнослужителей, а людей из народа. Та-

кое его требование в области общеобразовательной школы было демократическим, направленным к более лучшей организации обучения сельской молодежи.

Небезынтересно указание С. М. Михайлова о высокой требовательности не только к учителям-наставникам, но и к другим лицам, связанным с воспитанием и обучением молодежи. Так, например, он отмечал, что некоторые мальчики сразу после училища поступают в волостные и окружные управления для приучения себя канцелярскому порядку. Но там теряют и начальное воспитание, полученное в училищах. «Сверх того,— пишет в трактате «О сельских приходских училищах...» С. М. Михайлов,— находясь под руками неблагонамеренных руководителей, чуждых всякого образования, они портятся и в нравственности: достигши каких-нибудь 16 и 17 лет, усваивают себе все те пороки, какие имеют их руководители и прочие окружающие их безнравственные люди»¹. Кроме того, как указывает он, будучи в полном распоряжении писарей и других старших должностных лиц, мальчики более используются ими на свои частные домашние занятия, чем на письмоводство. Этими причинами объясняет С. М. Михайлов то, что «из инородческих мальчиков весьма редкие выходят в волостные писаря, а в других уездах и вовсе их нет...»

Коренным недостатком чувашских школ, по мысли С. М. Михайлова, являлось то, что преподавание в них велось на русском языке, непонятном для учащихся. Если русским детям в то время учеба давалась с большими трудностями, то можно себе представить, какими усилиями давалось усвоение школьной грамоты чувашскому мальчику, совершенно не знающему русского языка. Все это осложнялось еще тем, что почти все учителя чувашских школ сами не владели даже разговорным языком учащихся. Поэтому одним из важнейших меро-

¹ Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР, ф. 1215, оп. 1, ед. хр. 14, л. 618.

приятий по образованию чувашских детей С. М. Михайлов считал первоначальное преподавание в школах на родном языке. Он не мыслил интеллектуального прогресса народа без опоры на родной язык. Одновременно С. М. Михайлов подчеркивал важное значение русского языка, который он считал вторым родным языком.

Разрабатывая теоретические и практические предложения для улучшения школьного дела, для подъема культуры своего народа, чувашский просветитель-демократ пришел к глубокому убеждению, что возможности достижения этой цели тесно связаны с приобщением чувашского народа к демократической русской культуре. Вся его просветительская деятельность характеризуется стремлением приобщить свой народ к культуре русского и других народов России.

В разработанных им организационных мерах по улучшению учения «инородческих» детей немалый интерес представляет его идея о создании двух центральных училищ по обучению детей чуваш. Им был выдвинут особый план комплектования этих училищ учащимися за счет мальчиков, имеющих страстное желание учиться. При этом С. М. Михайлов, отмечая недопустимость насильственного приема детей в эти училища, писал: «... не брать насильственным образом из корыстных видов»... В то же время он уверенно указывал, что «много найдется между чувашами охотников учиться грамоте», только необходимо для них открывать школы и улучшить их работу. Высказывание чувашского просветителя о том, что чувашаи не против школы, они охотно желают учиться, являлось одновременно косвенной критикой политики царизма и стремлений верхов «оправдать» свою бездеятельность по образованию «инородцев» якобы нежеланием их учиться в силу врожденного консерватизма. Это его высказывание перекликается с высказываниями русских революционных демократов о том, что народ действительно хочет образования, он выступает только против «дурных школ».

Н. Г. Чернышевский, например, в статье «Ясная Поляна» по поводу заявления Л. Толстого, что «народ большей частью озлоблен против мысли о школе», разъяснял, что в действительности этого нет, что народ против «дурных школ», в которых ничему не выучивают, в которых только бьют, терзают детей, притупляют их, развращают их, против таких школ народ точно озлоблен; но ведь против них озлоблены и мы с Вами...»¹.

Трактат С. М. Михайлова «О сельских приходских училищах и об успехе учения в них инородческих детей» не увидел света, он не был опубликован в свое время, но он представляет большую ценность, ибо в нем чувашский просветитель предлагал радикальные меры по обучению не только детей чуваш, но и детей других нерусских народов. Что касается двух центральных училищ, в которых С. М. Михайлов предполагал организовать преподавание наук на родном языке в большем объеме, чем в обыкновенных школах, то в них он хотел готовить будущих учителей. Этим следует прежде всего объяснить его предложение принимать в центральное училище наиболее способных мальчиков после окончания ими приходского училища.

Однако следует отметить, что в существовавших общественно-политических условиях С. М. Михайлов как в трактате, так и в других трудах не сумел до конца правильно разрешить все вопросы организации обучения «инородческих» детей. Он, например, будучи религиозным человеком, считал «полезным образовать чувашских детей духовно-нравственным образом», включая в учебный план школ «преподавание им церковных правил, дабы они могли понимать о христианской религии». По его убеждению, в искоренении невежества и языческой полудикости важное место должно было занимать и распространение среди чуваш христианства.

Для характеристики деятельности и взглядов

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 10, ГИХЛ, 1951, стр. 510.

С. М. Михайлова на образование детей трудового народа немаловажное значение имеют не только его педагогические сочинения, но и исторические, этнографические и другие труды, в которых он также поднимал вопросы просвещения своего народа. Во многих из них он умело ставил вопросы улучшения воспитания и обучения молодежи.

Так, например, в этнографическом очерке «Описание быта раскольников в Козьмодемьянском уезде» вопросам просвещения С. М. Михайлов посвятил целый раздел. Анализируя состояние грамотности среди раскольников, он в очерке писал: «Вообще между раскольниками грамотность больше развита, нежели между церковными христианами. Они учат грамоте не только мальчиков, но и девочек, тогда как у нас, православных, между простым народом редкие из женщин знают грамоту»¹. Одобря лучшее состояние грамотности среди женщин из числа раскольников, С. М. Михайлов высказывает свою мысль о необходимости широкого образования не только среди мужчин, но и среди женщин. Факт недооценки женского образования, таким образом, им рассматривается как большой недостаток даже по сравнению с постановкой этого вопроса среди раскольников, которых он считает противниками православных христиан. Даже такая трактовка проблемы женского образования отличалась для того времени гуманизмом. В то же время просветитель-демократ С. М. Михайлов не оставался безразличным к существующим у раскольников мерам и средствам воспитания, калечившим человека. Он подчеркивал, что грамота у раскольников заключается только в обучении «читать старопечатные книги: псалтыри, часословы, каноны и т. п. книги и листовки молитв, да кое-как писать для ведения домашних счетов и списывания молитв из старинных книг по церковному шрифту». Учатся раскольники, указывал он, у баб и девочек, слывущих в об-

¹ С. М. Михайлов. Описание быта раскольников в Козьмодемьянском уезде, составленное в 1858 году. Архив Географического общества СССР, р 14, оп. 1, ед. хр. 16, л. 2.

ществе грамотейками и сведущими в священных писаниях.

С. М. Михайлов осуждал этих «наставниц» за то, что они уродовали душу своих воспитанников. «Эти наставницы нередко своих учениц-девушек совращают в распутство, получая от фаворита хорошие подарки», — писал он.

Педагог критикует раскольников и как противников светского образования. По его словам, раскольники «ученых людей называют учениками антихристовыми, высшее учение — дьявольщиной, еретичеством, а книги гражданской печати — антихристовскими творениями».

Разоблачая уродливые взгляды и систему воспитания у раскольников, чувашский просветитель-демократ в то же время выступает в защиту интересов их детей, стремится оградить подрастающее поколение от пагубного влияния.

Важное значение имеет деятельность С. М. Михайлова по созданию букваря, дидактических рассказов и художественных произведений для чувашских детей и молодежи. Из воспоминаний ближайших родственников С. М. Михайлова известно, что его рукописный букварь хранился отцом за иконами. Родной брат С. М. Михайлова Дмитрий нередко с гордостью показывал букварь своего брата местным учителям, которые весьма похвально отзывались о его содержании, показывали его своим ученикам, с радостью читали из него многие страницы.

С. М. Михайлов является автором первых чувашских стихов и песен для детей. Им собран неиссякаемый источник живого народного творчества: чувашские сказки, пословицы, поговорки, загадки, песни. Его перу принадлежат первые печатные произведения для детей на чувашском языке. Среди них особое место занимают стихотворения «Постой, стой, синица», «Ути, ути, утка» и др. При этом необходимо отметить такой немаловажный факт: рядом с чувашским текстом произведения печатался перевод его на русский язык; это делало удобным не только для сравнений текстов на двух языках, но

и для использования русского и чувашского текстов в качестве русско-чувашского и чувашско-русского словарей.

Весьма широкую популярность приобрела записанная С. М. Михайловым песня «Чи, чи кăсăя» («Постой, стой, синица»). Она является первым в истории Чувашии печатным детским произведением. Начиная с 1873 года, она прочно вошла в буквари и школьные книги для чтения и пользовалась вниманием И. Я. Яковлева, как классическое сочинение для детей в духе народных традиций. За истекшие сто с лишним лет ее изучали сотни тысяч чувашских детей. Указанная песня и поныне не утратила свое значение, с большим интересом изучается детьми, а учащиеся Юнгинской средней школы, носящей имя С. М. Михайлова, в декабре 1966 года с нее начали свою программу выступления перед телезрителями Чувашской и Марийской АССР, организованного по случаю 145-летия со дня рождения С. М. Михайлова.

Большой популярностью в чувашском народе пользовалась книга С. М. Михайлова «Чувашские разговоры и сказки», выпущенная в 1853 году в Казани. В этой книге также большое место занимают чувашские песни, загадки, прибаутки и т. д.

Ценны рассказы и сказки С. М. Михайлова, особенно «Хитрая кошка», «Злополучный сын», «Разговор на постоялом дворе» и другие. Они были направлены автором в Русское географическое общество, но в дореволюционное время по цензурным соображениям нигде не были изданы. Нашли и опубликовали их лишь в советское время.

В распространении грамотности среди чувашского народа немаловажное значение имели многие произведения С. М. Михайлова, печатавшиеся в газетах и журналах его времени и содержавшие большой познавательный материал. Для доказательства возьмем хотя бы его труд «Статистическое описание Козьмодемьянского уезда».

В этом труде, по своему названию кажущемся чисто статистическим, С. М. Михайлов рассказывает

о животном мире (о зверях, птицах, насекомых, пресмыкающихся, рыбах), разделяя их на полезных или вредных для человека. В нем содержатся сведения о растительном мире (дикорастущих, садовых, огородных и полевых растениях) родного края. В специальном разделе описываются крупнейшие реки и озера, указывается, что, кроме означенных рек, в Козьмодемьянском уезде находятся 57 речек и до 180 ручейков, 61 озеро. С. М. Михайлов здесь же дает подробную, со знанием дела составленную характеристику качества почвы, климата, приводит такие явления природы, как движение комет, солнечные затмения, градобития и т. д. Отдельный раздел посвящен описанию ископаемых богатств.

С. М. Михайлов прилагал немало усилий для того, чтобы шире распространить свои произведения среди чувашского народа. Это подтверждается архивными материалами. После появления того или иного своего произведения в печати он сразу обращался в редакции газет, журналов и в «Русское географическое общество» с письмами, в которых настоятельно просил выслать ему определенное количество экземпляров своих трудов для того, чтобы он мог ознакомить с ними своих единоплеменников. Свои произведения он высылал проживающим в чувашских селениях Казанской губернии знакомым учителям и родным, которые читали, пересказывали содержание их неграмотным, распространяя таким образом знания среди народа. По воспоминаниям родственников и данным бывшего учителя М. Хлебникова, составленным в 1883—1884 годах, отдельные труды С. М. Михайлова можно было найти у чуваш даже через 25—50 лет после смерти их автора.

Значимость многих произведений С. М. Михайлова в научном и культурно-просветительном отношении еще более возрастает, если анализировать их с учетом состояния чувашской литературы того времени. Известно, что к моменту начала его просветительской, в том числе публицистической деятель-

ности, она представляла весьма печальную картину. Издание светской литературы в это время было делом чрезвычайно трудным, ибо цензурой поощрялся выпуск в свет только религиозных произведений. В таких условиях С. М. Михайлову нелегко было публиковать свои произведения, особенно на чувашском языке. Он вынужден был писать свои труды в основном на русском языке, умело включая в свой текст не только отдельные пословицы, прибаутки, загадки, песни из устного народного творчества, но и целые произведения на чувашском языке.

Нельзя не указать на попытки С. М. Михайлова научно разработать грамматику чувашского языка. В этих целях, как подтверждают архивные документы, он составлял «Словарь простонародного языка и местных наречий с показанием употребительных ударений и примеров в складе речи, произношении и географии распространения наречий и прочее».

Как знатоку своего языка, ему приходилось встречать и сопровождать по Чувашии ученых-лингвистов и филологов, интересовавшихся чувашским языком. В числе их были и зарубежные ученые путешественники — венгр А. Регули и финн А. Альквист, которые при изучении грамматики и сборе материалов по языку и фольклору чуваш широко пользовались и материалами С. М. Михайлова.

С. М. Михайлов в своих произведениях давал и некоторые выводы по чувашскому языку, которые обоснованы убедительными фактами и аргументами. Он, например, описал различие «низовых» и «верховых» чуваш, их говора, посвятив этому вопросу специальную статью. Наречие у ишакских чуваш он считал правильным потому, что оно не содержит иноязычных слов и выражений. Поэтому С. М. Михайлов предполагал положить в основу чувашского литературного языка ишакский вариант верхового наречия чуваш.

В то же время он делает попытку установить место чувашского языка среди других языков, определить его родство с другими языками, установить генезис (этимологию) отдельных чувашских слов.

Чуваши́ские тексты С. М. Михайлова высоко оце́нивались учеными, его современниками. Так, например, после выхода книги «Чуваши́ские разгово́ры и сказки» филолог и востоковед, профессор И. Н. Березин писал: «Автор — природный чувашени́н — предлагает сборник оригинальных сведений о своих соплеменниках, начиная этнографическим очерком чувашского быта и оканчивая чувашскими текстами с русским переводом... Автор — даровитый чувашени́н... Изданием чувашских текстов г-н Михайлов оказал большую услугу восточной филологии, теперь ученые имеют возможность определить истинное место чувашского языка»¹. Об этой же книге в статье «Ученые и литературные известия» газета «Казанские губернские ведомости» сообщала, что «в этом издании в первый раз ученые познакомятся с пространными оригинальными чувашскими текстами...» Все это лишний раз подтверждает значимость произведений С. М. Михайлова не только в деле просвещения чувашского народа, но и научную ценность их для языкознания.

Однако условия были таковы, что С. М. Михайлов не дошел до создания новой чувашской письменности. Но даже при всех несовершенных средствах графики его времени, язык его произведений, насыщенных к тому же эмоциональностью, был близок читателю и вызывал большой интерес к чувашской книге.

Кроме того, как указывает чувашский филолог В. Я. Канюков, работы С. М. Михайлова по сбору и обработке произведений устно-поэтического творчества, его оригинальные очерки и рассказы из жизни и быта народа «послужили вдохновляющим примером для передовых представителей интеллигенции из чуваш в борьбе за создание чувашской письменности и оригинальной художественной литературы»².

¹ «Москвитянин», № 14, кн. 2, 1854, стр. 68—72.

² «Ученые записки» ЧНИИ, вып. X, Чебоксары, 1954, стр. 96.

То, о чем мечтал С. М. Михайлов, было осуществлено позднее другим просветителем чувашского народа — И. Я. Яковлевым. Лишь ему, великому просветителю чуваш, удалось создать новую письменность, учебники и хрестоматии на чувашском языке.

В просветительской деятельности С. М. Михайлова большое место занимает его исследовательская работа по истории и этнографии чуваш, марийцев и русских. К числу наиболее важных исторических работ С. М. Михайлова относятся: «О происхождении имени чуваш», «Предания чуваш», «Историко-этнографический очерк чуваш», «Сундырская гора», «Исторические документы о чувашах и черемисах в XVII веке», «Очерки расселения русских племен в Козьмодемьянском уезде» и многие другие.

В исторических работах он опубликовал большое число документов XVI—XVIII веков по истории родного края, выявленных им у чувашских и марийских крестьян, у козьмодемьянцев. Его перу принадлежат труды по истории многих населенных пунктов, в этих трудах он разбирает исторические памятники своей родины, широко пользуясь при этом и народными легендами, преданиями и другими материалами. «Для науки ничто не ничтожно; наука дорожит всяким известием, как бы оно ни казалось незначительным в глазах людей недалеко-видных», — повторяет он слова русского историка А. И. Артемьева, подчеркивая необходимость использования многочисленных и даже весьма различных по характеру материалов в исторических исследованиях.

С. М. Михайлов стремился вооружить чувашскую молодежь знаниями по истории своего народа, познакомить ее с наиболее яркими историческими событиями, с деятельностью замечательных исторических личностей, с эпизодами героической борьбы народа за свое существование и т. д. Этой цели служили многие его талантливые исторические произведения. Труды С. М. Михайлова не только способствовали историческому образованию подрастающе-

го поколения, но в последующем были приняты историками и как гипотезы.

Это объясняется тем, что С. М. Михайлов стоял за научное освещение истории. В защите научности в исследованиях по чувашской истории он вступал в споры даже с видными исследователями истории родного народа. Так, например, в своих трудах «Исторический взгляд на чуваш», «О происхождении имени чуваш», он, полемизируя с адъюнкт-профессором Казанского университета В. А. Сбоевым, причислявшим чуваш к «буртасам», доказывал, что его «гипотеза является остроумной, но не имеющей силы решения в историческом вопросе». Исторические документы подтвердили многие научные гипотезы С. М. Михайлова и прежде всего его гипотезу о происхождении чуваш и их родстве с булгарами.

Следует отметить, чувашский ученый-историк С. М. Михайлов интересовался не только историей чувашского, но и историей марийского и русского народов. Правда, не все его работы о прошлом русского и марийского народов можно назвать оригинальными. Но тем не менее ряд вопросов им освещен весьма умело. В его трудах исторические факты и события в той или иной степени освещались правильно, поэтому они способствовали не только популяризации среди чуваш истории других народов, особенно русского, но и содействовали развитию дружбы между трудящимися разных национальностей, приобщению чуваш к русской культуре.

Отдавая жизнь служению родному народу, борьбе за подъем его культуры и просвещение, С. М. Михайлов видел, что необходимо осветить все стороны народной жизни. Немаловажное значение он придавал изучению быта, его особенностей, выделяя при этом то ценное, что создавалось веками, что сближало с русским народом. Просветитель полагал, что без знания жизни, быта, нравов народа нельзя вести просветительскую деятельность. Поэтому труды по этнографии занимают большое место во всей его научной, публицистической и просветительской деятельности. Среди них наиболее значительными

являются: «Краткое этнографическое описание чуваш», «Чувашские свадьбы», «Свадьбы горных черемис», «Свадебные обряды у русских в Козьмодемьянском уезде» и др.

Чувашский этнограф, знавший жизнь своего народа с малых лет, имел большое преимущество перед другими этнографами, а потому его исследования были наиболее точными, чем представляли важный научный интерес для всех, кто интересовался этнографией чуваш.

С. М. Михайлов, заслуженно считавшийся первым чувашским этнографом, внес весомый вклад в науку и тем, что он первым описал чувашский народ с его бытом и показал его именно таким, каким он был в то время. Его этнографические труды оказали большую услугу чувашскому народу, так как они разоблачали буржуазных историков и этнографов, возводивших на чуваш клеветнические измышления, изображавших их дикарями, тупыми, не похожими вообще на людей. Он сумел показать, что «инородцы», в том числе чуваш и марийцы, имеют свою историю, самобытную культуру. Это имело огромное значение и свидетельствует о том, что С. М. Михайлов был верным сыном своего народа.

Многие исследования С. М. Михайлова по истории и этнографии чуваш не потеряли своего исторического значения и в настоящее время. Ими пользуются советские ученые, интересующиеся историей чувашского народа.

Одним из следующих и важных сторон кипучей деятельности С. М. Михайлова является разработка им теоретических вопросов воспитания и образования детей и молодежи.

ИДЕИ ВОСПИТАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ С. М. МИХАЙЛОВА

Теоретические вопросы воспитания и образования глубоко освещены С. М. Михайловым во многих его произведениях. Они являются важным вкладом в чувашскую демократическую педагогику.

Основной идеей просветителя С. М. Михайлова по вопросам воспитания следует признать воспитательно-образовательный опыт чувашского народа. До него этот опыт никем не был использован столь широко в просветительско-практической, литературно-публицистической и научно-теоретической деятельности. Данный вывод подтверждается и тем, что «Педагогическая энциклопедия» называет С. М. Михайлова не только первым просветителем чувашского народа, но и «первым исследователем чувашской народной педагогики»¹.

Действительно, С. М. Михайлов является пионером в использовании духовных сокровищ народа в его воспитании и перевоспитании. В монографии «Этнопедагогика чувашского народа» Г. Н. Волкова это показано убедительно, и на это справедливо обращено внимание читателей.

Обобщая традиции народа в воспитании и стараясь использовать их в своей научно-педагогической и практической деятельности, в то же время С. М. Михайлов понимал, что отдельные стороны народного педагогического опыта чуваш присущи и другим народам, они не являются традициями исключительно чуваш. В разработке проблем воспитания чувашской молодежи он использовал педагогические воззрения и других народов, опирался на современную ему отечественную педагогику.

Мысли С. М. Михайлова о целях и задачах воспитания. Известно, что основной целью воспитания у всех народов, в том числе и у чувашского, являлась забота о сохранении, укреплении и развитии добрых народных обычаев и традиций, забота о передаче подрастающему поколению положительного опыта, накопленного предшествующими поколениями.

Большой знаток обычаев и традиций своего народа, С. М. Михайлов не мог не учитывать их при

¹ Педагогическая энциклопедия, т. 2, М., изд. «Советская энциклопедия», 1965, стр. 841.

определении целей и задач воспитания молодежи в его эпоху. Хотя он не дает стройной формулировки цели воспитания, а определяет ее лишь в общем виде, но, основываясь на его идейном наследии в целом, можно смело утверждать, что, по С. М. Михайлову, цель воспитания — это подготовка подрастающего поколения к сознательной трудовой жизни, неизменным элементом которой является служение общей пользе и забота об интересах родного народа. Что касается личного опыта и примера, которые для С. М. Михайлова также являлись убедительными аргументами, то весь смысл своей жизни он видел в деятельности «для общей пользы». Быть полезным обществу, по его мнению, является целью жизни каждого человека, следовательно, этой цели должно служить и все воспитание. С. М. Михайлов понимал, что полезным обществу может быть только человек труда. Поэтому он и сам стремился готовить себя, как он выражался, «не к богатству, а к трудам полезным». Его мысли в этом отношении сходны с мыслями великого русского педагога К. Д. Ушинского, который писал: «Сделать как можно более пользы моему отечеству — вот единственная цель моей жизни. К ней я должен направить все свои способности».

С. М. Михайлов сознавал, что своей научной и просветительской работой он также приносит общую пользу. И работу по изучению истории чувашского края, которую вел как член-сотрудник научных обществ, он тесно связывал с необходимостью «трудиться в пользу изучения любезного отечества». Тяжелый и по тем временам порой опасный общественный труд «на общую пользу» С. М. Михайлов считал для себя высшим счастьем. В связи с этим и цель воспитания им определяется в соответствии с целью и смыслом жизни его самого. Поэтому конкретная расшифровка идеала воспитания лучше всего представлялась ему в виде образа «народного заступника», каким стал в свои зрелые годы сам С. М. Михайлов, искренне стремившийся *«единоплеменцев повлечь за собою»*. Так цель жизни

С. М. Михайлова сливалась с целью воспитания подрастающего поколения.

В своих сочинениях С. М. Михайлов процесс воспитания рассматривает как целостный, как единый процесс, но в то же время особо исследует проблемы нравственного, умственного, трудового и эстетического воспитания. Можно назвать целый ряд его работ, посвященных какой-либо одной стороне воспитания.

В его произведениях «Сарри-батыр», «Воспоминания чуваш о пугачевщине», «Злополучный сын», «Повесть о пребывании в г. Козьмодемьянске», «Балдран-базар», «Статистические очерки Козьмодемьянского уезда», «Хитрая кошка» наиболее ярко отражены содержание, методы и средства нравственного воспитания. В трудах С. М. Михайлова «Краткое этнографическое описание чуваш и общее заключение о чувашах», «Предания чуваш» содержатся мысли о развитии народных традиций трудолюбия, а в произведениях «О музыке чуваш», «Чувашские свадьбы», «Свадьбы горных черемис», «Покровская ярмарка», «Капустки», «Песни ребят чувашских» раскрывается содержание средств привития детям любви к прекрасному.

Вопросы физического воспитания особенно ярко даны С. М. Михайловым в его статьях «Рождение и воспитание детей», «Краткое этнографическое описание чуваш».

Представляют для нас большую ценность такие произведения, как «Автобиографический очерк», «О сельских приходских училищах и об успехе учения в них инородческих детей», «Село Ишаки», «Чемеево», «Казанские инородцы перед памятником Державину», «О наименовании встарь чуваш татарами», «О происхождении чуваш» и многие другие. В них, а также в многочисленной переписке и записях С. М. Михайлова содержатся замечательные мысли по вопросам воспитания и образования подрастающего поколения.

Вопросы патриотизма в трудах С. М. Михайлова.
«Патриотизм — одно из наиболее глубоких чувств,

закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств»¹, — указывал В. И. Ленин.

Патриотизм являлся и является также одной из глубоких чувств чувашского народа. Патриотизм чувашского народа наилучшим образом проявляется в его преданности своему народу, России и ко всем братским народам, и в первую очередь — к русскому народу. Чувашский народ с давних пор вместе с русскими закалялся в боях за свободу и независимость своей Родины и выдвигал из своей среды искусных вожаков типа Васянка, Палатай, Пуртас и др. Борьба вместе с русскими и другими народами России против общих врагов Родины развивала и укрепляла патриотические чувства чувашского народа. Знаток истории своего народа и глубокий исследователь народной педагогики, С. М. Михайлов в своих трудах большое внимание уделял воспитанию у молодежи этих патриотических чувств.

Могучим средством воспитания патриотизма у чувашской молодежи С. М. Михайлов считал героическое прошлое народа. На примерах народных героев он стремился воспитать у молодежи мужество, храбрость, чувство патриотизма. На основе народного предания им создан (в произведении «Сарри-батыр») образ чуваша-батыра, в который он вложил и свои заветные представления о нравственном облике народного героя. Сарри-батыр любит родную землю, родной народ и беззаветно предан ему. Не только любовь к своей дочери, но и, прежде всего, беспредельная любовь к своим единоплеменникам и страстное желание защитить их от набегов и гнета казанских ханов и татарских феодалов являются главным в патриотизме Сарри. В образе Сарри С. М. Михайлов и стремился воплотить черты нравственного облика подлинного патриота, способного защитить интересы своего народа.

С. М. Михайлов всей своей жизнью и деятельностью олицетворяет пример беззаветного патрио-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 190.

тизма. Любовью к родине проникнуты многие строки, вышедшие из-под его пера.

С точки зрения воспитания патриотизма в молодом поколении особый интерес представляет и произведение С. М. Михайлова «Воспоминания чуваш о Пугачевщине». В нем автор рассказывает историю участия чуваш и марийцев в крестьянской войне под руководством Е. Пугачева. Нисколько не скрывая своих симпатий к освободительной борьбе родного народа, С. М. Михайлов отмечает, что участие в крестьянской войне было для чуваш и марийцев настолько значительным, что они даже летоисчисление свое вели со времени этой войны. «Пугачевский бунт доселе памятен старожилам, а чуваш и черемисы даже ведут от него свое летоисчисление: старики их от пугачевщины считают свои года и определяют хронологию разных народных событий», — указывает С. М. Михайлов. Правдивый рассказ о патриотизме чуваш в борьбе против угнетателей поддерживал и культивировал в народе свободолюбивые стремления. Поэтому С. М. Михайлов постоянно восхищался теми, кто, несмотря на трудности, не поддается отчаянию и с надеждой смотрит в будущее. Именно таких патриотов и олицетворяет его герой в «Воспоминаниях чуваш о Пугачевщине». В них рассказывается об участнике крестьянской войны, который, попав в руки врагов, чудом уцелел и спасся. «В тридцатых годах настоящего столетия был еще жив один чуваш, бежавший в пугачевщину из Ядрина. Он рассказывал, что ядринцы запирали их (т. е. пугачевцев.— Д. Е.) в дымные избы, морили голодом, вешали за ноги, крутили руки и головы, немилосердно били нагайками, посыпая спину солью и поливая раны вином. Старик этот хвалился, что у него спина соленая и наспиртованная...» — писал С. М. Михайлов.

Этот чуваш напоминает Савелия-богатыря из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», который ненавистного крестьянам управляющего именем живым в землю закопал, в Сибирь

попал, клейменным стал, а когда ему напоминали об этом, гордо отвечал: «Клейменный, да не раб». Чувство патриотизма этих двух героев сочетается с чувством собственного человеческого достоинства, которые не сломили никакие перенесенные унижения.

В целях воспитания подрастающего поколения на примерах героического прошлого своего народа С. М. Михайлов знакомит молодежь с его историей, подчеркивает при этом, что «некоторые (чуваши.— Д. Е.) продолжают высчитывать своих предков за целые 200 лет или даже далее, и большей частью доходят до родоначальников их деревень, по коим они названы, так как по дедам или прадедам их или по каким-либо особенным событиям названы многие околотки».

Напоминая читателям о необходимости знать историческое прошлое своих предков, С. М. Михайлов отмечает их любовь к России. Подтверждая свою мысль, он указывает, что его предки всегда принимали активное участие в походах вместе с русскими. Его пращур Тевель участвовал в азовских походах Петра I вместе с козьмодемьянскими стрельцами. В одном из очерков о Козьмодемьянске он об этом пишет: «...под Азовом в сию войну был прадед мой Тевель, живший после того долгое время на родине и рассказывавший о своих подвигах подобным себе чувашам».

У С. М. Михайлова система воспитания патриотизма, начиная с личного примера, распространяется концентрически—к семье и ее прошлому, к роду, деревне, окрестностям, народу. В статье «Село Ишаки» он описывает чувашина из Ишак, в прошлом моряка-героя, награжденного Кагульскими, Очаковскими и Чесменскими длинными четырехугольными медалями. С. М. Михайлов подчеркивает, что многие чуваша и сейчас служат в армии в составе русских войск, в том числе младший брат его Григорий, а другой брат Дмитрий кончил службу в гвардии молодцом.

Подобными примерами из жизни своих едино-

племенников С. М. Михайлов звал чувашский народ к продолжению положительных традиций, к использованию этих примеров в воспитательной работе среди подрастающего поколения.

Патриотизм С. М. Михайлова проявлялся, однако, не только в его призывах любить свою родину, защищать ее интересы. Его патриотизм находил свое выражение и в неизменной борьбе за торжество справедливости, в мужественной защите интересов трудового народа. И в этом он был близок к просветительскому пониманию патриотизма. С этой точки зрения нельзя не отметить большую ценность произведений С. М. Михайлова, содержащих критику феодально-крепостнических порядков России его времени. Бесспорно, в воспитании патриотизма как основы нравственности человека, его смелое слово истины занимало немаловажное значение. Воспитание молодежи в духе патриотизма, любви к родине, к своему народу, к людям труда С. М. Михайлов тесно связывал с воспитанием дружбы между народами.

Идеи о дружбе народов в наследии С. М. Михайлова. К этому вопросу чувашский просветитель подходил с демократических позиций, как верный сын своего народа, как борец за лучшее будущее своей родины. Знаток истории чувашского народа, плотью и кровью связанный с ним, С. М. Михайлов хорошо представлял истоки дружбы чуваш с великим русским народом и со всеми другими народами России.

Чувашский народ является одним из древнейших народов. Его историческая судьба сложилась, как и у всех малых народов, в трудных экономических условиях. Ему пришлось выдержать тяжелое, невыносимое иго монголо-татарских феодалов и ханов Золотой Орды. В период распада Золотой Орды в Среднем Поволжье сложилось Казанское ханство, в составе которого полностью оказались земли, заселенные чувашами. Казанские ханы и татарские феодалы жестоко угнетали чувашский народ.

Совершенно естественно, что чувашский народ свое стремление к освобождению от господства Ка-

занского ханства связывал с борьбой русского народа, выступавшего за создание единого российского государства. Чуваши в лице русского народа видели своего освободителя.

Стремление чуваш искать помощь у русского народа и решимость их выступать в совместной борьбе с русскими против Казанского ханства отразились и в народных преданиях. С. М. Михайлов, высоко ценивший роль преданий в изучении истории и воспитательной работе среди молодежи, с большой настойчивостью собирал их, использовал в изучении подлинной истории своего народа.

Многие из народных преданий о совместной борьбе чувашского и русского народов против ига казанских ханов до сих пор живут в устах потомков С. М. Михайлова. В одних из них разоблачается «иссушающий душу» народа характер ханского гнета, при котором грабеж и насилия чинились не только силой оружия, но и руками верхушечной части самих покоренных; в других показывается мужественная борьба народа за свое освобождение и сила дружбы чувашского и русского народов в этой борьбе.

История добровольного присоединения Чувашии к Русскому государству, в общем виде представленная С. М. Михайловым на основании устных преданий, параллельно подтверждается литературными и архивными источниками. Например, в своем труде «Предания чуваш» путем изучения ценных преданий и исторических документов С. М. Михайлов вполне научно доказывает: «Чуваши, будучи не в состоянии переносить угнетения Казанского ханства, решились, наконец, искать покровительства у московского царя. Он их принял ласково, обещал им покровительство. Потом собрался воевать в Казань, и они, чуваш, при сем случае содействовали войску в взятии этого ненавистного для них царства — указывали воеводам русским дороги и секретно устроенные татарами укрепления».

Выдающийся поборник дружбы между русским и чувашским народами С. М. Михайлов созданием

такой объективной картины событий, связанных с присоединением Чувашии к Русскому государству, еще более усиливал симпатии своих соплеменников к русскому народу. Он понимал, что его произведения, раскрывающие дружбу народов, имеют большое значение в воспитании подрастающего поколения. В этом отношении весьма поучительна записанная им историческая легенда «Сарри-батыр». В ней говорится о чувашском богатыре Сарри, о самоотверженной борьбе чувашского населения против татарских феодалов и помощи русских чувашам в этой борьбе. До покорения русскими Казанского ханства, — сказано в этом предании, — в нынешнем Ядринском уезде жил красивый и сильный чуваш Сарри. Казанские ханы постоянно совершали набеги на чуваш, опустошали их селения, уводили в рабство жителей. В один из таких набегов ханские разбойники увели в плен дочь Сарри, красавицу-невесту. Но Сарри организует отряд из смельчаков и устраивает засаду на пути разбойников при переправе через реку Суру. Отряд Сарри забирает обоз разбойников, перебивает их и освобождает дочь Сарри. Казанский хан, не дождавшись награбленного добра, узнает, что его посланцев настиг плачевный конец. Он решает снарядить большое войско для истребления чувашских селений. Тогда Сарри обращается за помощью к московскому князю Василию и предлагает ему свои услуги для борьбы с Казанским ханством. Русский царь одобряет предложение Сарри. Сарри-батыр во главе большого отряда вместе с войсками русского царя храбро сражается за взятие Казани.

Описывая победу русских над казанскими ханами и присоединение Чувашии к Русскому государству, С. М. Михайлов в другом своем произведении («Сундырская гора») с радостью восклицает: «Святая Русь победила! ...И ты, наконец, сделался русским, попираешь теперь твердыню сию ногами и передаешь о подвигах своих соплеменников».

Неоднократно возвращаясь к теме дружбы чувашского и русского народов, просветитель и педа-

гог С. М. Михайлов стремится показать, что история этой дружбы сложилась в тяжелые и трудные дни, что чуваша издавна дорожат этой дружбой.

С. М. Михайлов в своих трудах всячески старался показать прогрессивную роль русского народа в судьбе чуваш. Возьмем хотя бы первое его произведение, напечатанное в газете «Казанские губернские ведомости» в 1852 году. Оно названо «Повесть о пребывании в гор. Козьмодемьянске государя Павла Петровича с великими князьями Александром Павловичем и Константином Павловичем». Описывая исторический факт прибытия в город Павла I, С. М. Михайлов посвящает свое произведение не ему, а русскому народу. Он пишет: «Свое ...повествование я посвящаю гражданам Козьмодемьянска, как знак уважения и благодарности моей к ним за то, что они меня возвысили на степень человека русского и научили гордиться этим славным именем».

С. М. Михайлов, получивший образование в русской школе, хорошо понимал, что только при содействии русских людей, прежде всего, передовых русских ученых, он смог выступить на литературном поприще.

С сердечной благодарностью вспоминал С. М. Михайлов русскую женщину А. К. Дворникову, которая была его наставницей и первой учительницей. «Бабенька Анна мне вторая мать», — писал он об этой русской женщине в своем «Автобиографическом очерке».

Он понимал прогрессивную роль русского народа в развитии всех других народов России. Поэтому он много усилий прилагал к пропаганде дружбы не только между русским и чувашским, но и другими народами России. В условиях, когда царское самодержавие разжигало национальную вражду, это было патриотическим подвигом С. М. Михайлова.

Известно, что вся сознательная трудовая и творческая деятельность С. М. Михайлова прошла в основном среди чуваш и марийцев. Он изучал и

знал историю не только чувашского, но и русского, марийского народов. Наконец, многие его научные, литературные и педагогические труды имеют прямое отношение не только к чувашскому, но и к марийскому, татарскому, а также к русскому народам.

Дружба между чувашским и марийским народами С. М. Михайлову была так дорога, что он даже в печати выступал от имени чуваш и марийцев. «Из миллионов чуваш и черемис я первый писатель в России. Следует и из них кому-нибудь писать для общей пользы», — с гордостью заявлял он.

С. М. Михайлов страстно любил свой народ, но с радостью отмечал, что его мать (она была просто неграмотной крестьянкой) «знала хорошо по-русски и по-черемисски, кроме своего природного чувашского языка».

В отличие от буржуазных деятелей культуры, проводников шовинистической политики царизма, С. М. Михайлов стремился показать такие факты, события из жизни и быта народов, которые способствовали их сближению. Так, например, совместным молодежным гуляньям чуваш и марийцев посвящен его очерк «Балдран-базар». Это совместное гулянье происходило в лесу, в окрестностях которого жили чуваш и марийцы. Кроме чуваш и марийцев, в гулянье участвовали и русские, которые имели с ними «участие как с друзьями».

В своем этнографическом очерке «Капустки, простонародные игры» С. М. Михайлов положительно оценивал участие чувашских музыкантов со своими гусями в играх русской молодежи. Указывая благосклонность русских к чувашским молодцам, он здесь же пишет: «неволью призадумываешься, что со временем чуваша сольются с Русью».

Отмечая полезность совместного гулянья чуваш, марийцев и русских, С. М. Михайлов призывал продолжать эту хорошую народную традицию. При этом он подчеркивал, что русский народ всегда имеет хорошее отношение к нерусским народам, «задушевные приязни с чувашами и черемисами».

В произведениях С. М. Михайлова ярко выражено доброжелательное отношение чуваш к другому своему соседу — татарскому народу. В стихотворении «Мы чувашами родились» татар он называет народом, родственным чувашскому. Знаток истории происхождения чувашского и татарского народов, он справедливо полагал, что чуваш и татары являются потомками волжских булгар. Поэтому, и описывая все ужасы татаро-монгольского ига, С. М. Михайлов оценивал его исторически правильно: никогда не смешивал соседних дружественных татар с татаро-монгольскими захватчиками.

С. М. Михайлову нравилось существование хороших взаимоотношений между народами. Педагог, хорошо знакомый с русской культурой, он стремился к ее распространению среди чуваш и других нерусских народов Поволжья. Он положительно отзывался о стремлении чуваш и марийцев во многом, в том числе и в образе жизни, подражать русским. «Ныне горные черемисы и верховые чуваш одеваются в белые костюмы русского покроя и стараются в образе жизни подражать русским. Чуваш сеют хлеба одинаково с русскими... многие избы строят по-русски, сближаясь с русскими, перенимают их нравы и обычаи...», — отмечал С. М. Михайлов.

В его произведениях русский трудящийся показан другом чуваш, которые, как он подчеркивает, также «дружат с русскими и роднятся с ними весьма охотно».

С. М. Михайлов приложил много усилий к сближению чувашского, русского и других народов России. Он понимал, что и его творчество, получившее свои истоки из богатого кладезя устного народного творчества, настоенного ароматом деревенской жизни и колоритом обычаев чувашского народа, обязано своим дальнейшим развитием дружеской помощи прогрессивных деятелей отечественной культуры. Большое влияние на него оказали, как было отмечено выше, произведения русских просветителей и писателей. В то же время он вы-

соко ценил важность широкого ознакомления русских с жизнью чувашского народа, которое имело большое значение в укреплении дружбы народов.

Конечно, могучий боевой союз и подлинная дружба между народами России началась уже позднее, на основе сплочения трудящихся окраин страны вокруг русского революционного пролетариата. Однако корни этого союза и дружбы возникли и развивались издавна, и в этом большую роль сыграли прогрессивные деятели культуры и просвещения России, в том числе и С. М. Михайлов.

Мысли «о добронравии» и других нравственных качествах человека также нашли отражение в трудах С. М. Михайлова. Объединяющее все высокие качества человека слово «добронравие» у чуваш, по мнению С. М. Михайлова, считалось высшим критерием личности, а для родителей добронравие было так дорого, что они добронравному сыну готовы были пожертвовать все свое достояние. Для доказательства высокой оценки добронравия чувашами С. М. Михайлов приводит следующий эпизод из чувашской свадьбы.

«Перед выездом на свадьбу «дружка» ходит три раза с ковшом пива к родителям, сидящим чинно в избе за столом, и спрашивает их каждый раз, что они пожертвуют своему сыну... Родители отвечают, что если-де сын будет «добронравен», то они ничего для него не пожалеют, намерены отдать весь дом ему в наследие».

Большой знаток нравов и обычаев своего народа, его нравственных качеств, С. М. Михайлов понимал, что многие моральные требования, внушаемые чувашским детям с малых лет, имеют давнюю историю, и их выполнение стало традицией. Он призывал чуваш сохранять и развивать качества своего народа, ставшие традиционными в их национальном облике. Формированию морального облика С. М. Михайлов подчинял физическое, трудовое и умственное воспитание. Даже подчеркивая важность музыки в привитии детям любви к прекрасному, он, например, особо выделил ее значение

в нравственном воспитании. По его мнению, «народ, более или менее придавал ей (музыке.— Д. Е.) оттенки своего природного характера, любил выражать в ней внутреннюю жизнь и тем обнаруживал степень своего нравственного образования».

Такая высокая оценка С. М. Михайловым роли нравственного воспитания молодежи перекликается с мыслями В. Г. Белинского, который писал: «Есть много родов образования и развития, и каждое из них важно само по себе, но всех их выше должно стоять образование нравственное». В. Г. Белинский подчеркивал, что «одно образование делает вас человеком — ученым, другое — светским, третье — администратором, военным, политическим деятелем и т. д., но нравственное воспитание делает вас просто человеком».

К одному из качеств, делающих человека «просто человеком», С. М. Михайлов относил честность и правдивость.

Честность и правдивость, как лучшие качества трудового человека, С. М. Михайлов хотел широко пропагандировать среди чувашской молодежи. Он хорошо знал, что на честности и правдивости основаны доверие и уважение чувашских трудящихся друг к другу. «Смотри, будь всегда честным, не позорь нас; чей сын,— его сын, скажут; воровать, обманывать, отказываться от своих слов одинаково грешно»,— издавна внушали чувашаи своим детям.

Сын своего народа, С. М. Михайлов правдивость считал одним из национальных нравственных качеств чуваш, их благородной традицией. Нарушение этой традиции он расценивал как недопустимый факт. В своей творческой деятельности он и сам старался быть всегда правдивым, нетерпящим лжи и обмана. «Происхожу сам из этого племени, было бы непростительно мне писать неправду»,— подчеркивал он.

Честность и правдивость чувашского народа, как и многие другие положительные нравственные его качества, С. М. Михайлов отмечал не только в своих произведениях, но старался показать эти каче-

ства в любых случаях. Отражал он это и в своих письмах к русским деятелям культуры и просвещения. Он и о себе писал прямо: «Я правдив и нелицемерен». Это были не слова самовосхваления, а подчеркивание собственного достоинства, высокой оценки С. М. Михайловым честности и правдивости чувашского народа.

Чувашский педагог в содержание нравственного воспитания включает и благопристойное поведение в семье, в гостях и т. д. С этой целью он отбирает такие правила поведения, которые сложились в народе. В произведении «Свадебные обряды в Козьмодемьянском уезде» С. М. Михайлов в форме наговаривания «дружка» участникам свадьбы выражает правила благопристойного поведения.

Хотя не все эти правила благопристойного поведения сохранили свое значение для настоящего времени, но многие из них используются и теперь. Вот некоторые «правила личного поведения», отобранные и записанные С. М. Михайловым: «Знай себя, где посадят, тут и сиди»; «Что поставят, то и кушай»; «Хозяина в доме слушай»; «Что подадут, то и пей»; «Сиди в беседе, да не ворчи, лучше сиди помолчи: тихое молчание ничему не ответ»; «А что будешь много вякать, за то будут тебя много бьять»; «А еще что будешь болтать, то станут тебя со двора толкать»; «Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами».

В связи с тем, что на свадьбах всегда бывали не только взрослые, то само собою становится понятным воспитательное значение подобных правил и для детей — непрременных участников свадеб в качестве зрителей.

В эксплуататорском обществе господствующие классы сознательно поощряли пьянство среди трудящихся и молодежи, так как это помогало им одурманить и обманывать народные массы и держать их в повиновении. Просветитель-демократ С. М. Михайлов старался показать трудовому народу вред пьянства и призывал их к борьбе с этим злом. Он писал: «Корысть и всемогущее вино вино-

ватого делают правым, а правого — виноватым». Им записаны пословицы и поговорки, направленные против пьянства. Некоторые из них, как например, «Глупый не пиво пьет, а ум пропивает», «Мне душа милее твоего ковша, не потерять же ее из-за тебя» и др. до сих пор сохранились в народе. В книге «Чувашские разговоры и сказки» С. М. Михайлов отмечает, что чувашаи не только убеждали, но и «бранили» своих детей, если они употребляли даже пиво. Употребление водки парнями встречало суровое осуждение со стороны девушек. Парни, частенько прикладывающиеся к рюмкам, не допускались девушками к участию в молодежных играх.

Решительно осуждая все порочное в характере и поведении людей, С. М. Михайлов, подобно А. Н. Радищеву и В. Г. Белинскому, с удовлетворением отмечал, что среди простого народа, несмотря на его безграмотность и бескультурье (речь идет о дореформенном периоде российской действительности.— Д. Е.) пороки встречаются реже, чем среди привилегированных сословий, а положительные стороны — гораздо чаще.

«Только у нас привыкли описывать черный народ, а на белых не обращают внимания. Если приняты описывать их купцов и других высших, то пороков окажется гораздо значительнее, чем у простого народа, живущего своим трудом и трудящегося в поте своего лица»,— писал С. М. Михайлов.

Без комментариев можно понять, что защитник интересов своего народа С. М. Михайлов выступает на стороне «черного» народа и разоблачает «белый» народ, т. е. «купцов и других высших», у которых пороков значительно больше, чем у неимущих представителей народа. Несмотря на цензурные рогатки, он в своих произведениях пытается показать безнравственность эксплуататоров. Вот один из примеров, подтверждающих сказанное:

«...Везут чувашаи, положим, в Чебоксары хлеб. Какой-нибудь монополист, хлебный закупщик, желая забрать в свои руки весь этот хлеб, ставит на дороге, далеко за городом, особую стражу из своих

верных служителей, которые, встречая и останавливая мирных чуваш с возами хлеба, влекут их к своему хозяину, уверяя и кланяясь, что такой выгодной цены, как их благодетель-хозяин, никто им не даст.

Само собой разумеется, что хлеб у чуваш скупается за самую низкую цену, а потом капиталист втридорога продает его беднякам-горожанам», — пишет С. М. Михайлов в своем сочинении «О ярмарках в Козьмодемьянском уезде в 1856 году». Он презирает богатых капиталистов за то, что они нечестным путем скупают хлеб у крестьян, обманывают горожан-бедняков, продавая им хлеб втридорога, «ловят рыбу в мутной воде».

В своей книге «Чувашские разговоры и сказки» С. М. Михайлов словами дедушки Ивана, обращенными к молодому Григорию, говорит о том, что теперь «дурных людей, обманывающих народ, много».

В труде «Отчего чувашаи давятся...» С. М. Михайлов высмеивает жадность, стяжательство церковников, которые в целях личной наживы обманывают крестьян. На примере священников села Ишаки Козьмодемьянского уезда он показывает, «какое же происходило зло со стороны духовенства». «Чуваши или другой «инородец», — пишет он, — ставит свечу в 10 коп, а берут с него еще 15. Если ставит свечу в 50 коп., берут с него 1 руб., и так далее..., а в противном случае ему не позволяли ставить свечи». С. М. Михайлов называет церковников, этих идеологов колониализма, «корыстолюбивыми духовниками». Так или иначе он видит единый антинародный фронт, включающий царскую колониальную администрацию, церковников, промышленников, купцов, кулаков-мироедов.

В вышеуказанном же труде С. М. Михайлов приводит ряд примеров для доказательства подлости и безнравственности местных властей, обманывающих «инородцев» на каждом шагу. В то же время он с большой симпатией относился к трудовому народу.

С. М. Михайлов не ограничивался пропагандой моральных требований среди своего народа, родителей и воспитателей. Опираясь на опыт народной педагогики чуваш, прогрессивную педагогическую мысль России и личный опыт по воспитанию детей, он разработал целую систему методов и средств нравственного воспитания.

Одним из главных и основных методов нравственного воспитания, по мысли С. М. Михайлова, является воспитание посредством примера — примера родителей, воспитателей, великих людей. Это проходит красной нитью через многие произведения С. М. Михайлова («Автобиографический очерк», «О музыке чуваш», «Чувашские свадьбы», «О сельских приходских училищах и об успехе учения в них инородческих детей» и др.).

Известно, с какой любовью С. М. Михайлов отзывался о своих родителях, которые ему всегда служили примером. Он отмечал кротость нрава родителей, добросердечие матери, простодушие отца. Он всегда чувствовал их заботливое отношение не только к нему, но к его братьям и сестрам.

С. М. Михайлов признавал влияние, оказанное на него историей жизни давно умершего прадеда, горячего патриота России — Тевеля, что дало определенный толчок к пробуждению в нем чувства любви к своему великому Отечеству. Он писал о влиянии матери, прекрасно владевшей марийским языком, на формирование его братских симпатий к соседнему марийскому народу и интересам к его истории и культуре.

В то же время С. М. Михайлов показывает, что чувашские дети не только умеют слепо подражать родителям, но и высоко ценят, уважают их. Он отмечает, что молодые на праздниках обязательно «воспевают своих родителей и друзей в песнях, произнося разные трогательные выражения, отчего многие из матерей даже плачут». Все это усиливало воспитательное значение примера родителей, способствовало распространению присущих им положительных нравственных качеств среди молодежи.

Изучив традиции своего народа, С. М. Михайлов установил, что старые и старшие по возрасту люди у чуваш издавна пользуются всеобщим авторитетом и уважением среди трудового народа и молодежи. В разделе «Приветствия. Знаки уважения и любви» своего труда «Краткое этнографическое описание чуваш и общее заключение о чувашах» С. М. Михайлов указывает, что чувашаи всех стариков называют дедушками, а старух — бабушками. В случае присутствия в доме старых или старших по возрасту они всегда уступают им место. Надо полагать, что пытливый глаз детей искал и находил в этих умудренных опытом людях, в их разговоре, в их делах пример для подражания, что не могло не оказать действенного влияния на формирование нравственных взглядов и убеждений подрастающего поколения.

Воспитательное воздействие на детей оказывают не только непосредственно окружающие их личности. В процессе воспитания немаловажное значение могут иметь и лица, которые во времени и пространстве от него отдалены: исторические личности, ученые, писатели, а также герои преданий, сказок, рассказов. С. М. Михайлов, как педагог и писатель, умело использовал в воспитательных целях и эти возможности. Национальный герой чувашского народа Сарри-батыр, вождь крестьянской войны Емельян Пугачев и его герои-сподвижники из чуваш и других народов, моряк-герой из села Ишаки Козьмодемьянского уезда и многие другие, с большой симпатией описанные С. М. Михайловым в его произведениях, имели и имеют до сих пор неопределимое значение в воспитании у молодежи чувств патриотизма, любви к своей родине, дружбы народов и т. п.

Большое значение в нравственном воспитании придавал С. М. Михайлов, как уже отмечалось выше, примеру великих людей; одно из первых мест при этом отводил он жизненному примеру М. В. Ломоносова. С. М. Михайлову были известны слова В. Г. Белинского из его рецензии на книгу

К. Полевого «М. В. Ломоносов» о том, что жизнь М. В. Ломоносова является образцом патриотического служения Родине. Пусть, — говорил он, — молодое поколение учится у Ломоносова пониманию своего долга и назначения. Ученый, поэт и литератор... он преодолел тысячи препятствий, и на всю жизнь остался человеком, ученым тружеником, а не сделался, когда улыбнулось ему мирское счастье, вельможей, знатным барин¹.

Исторический подвиг М. В. Ломоносова всегда служил примером для С. М. Михайлова. Но это не все. В целях ознакомления своих учащихся с произведениями М. В. Ломоносова и трудами о нем он даже выписывал соответствующую литературу из других городов. Так, например, выражая свою просьбу купить ему в Петербурге книгу о М. В. Ломоносове, он писал А. И. Артемьеву: «Еще просьба моя до Вас есть следующая: в Петербурге в конторе детской больницы, состоящей близ Измайловского моста в Большой Подъячейской, продается книжка «Сын рыбака Михаил Васильевич Ломоносов». Повесть для детей... сделайте милость, достаньте это сочинение, если Вам время позволит: деньги я заплачу по Вашем возвращении с благодарностью...».

По мысли С. М. Михайлова, важным методом в нравственном воспитании молодежи является убеждение, а сказки, пословицы, поговорки, песни и прибаутки служат наиболее эффективными средствами убеждения. Им отобрано большое число пословиц и поговорок, рассчитанных прежде всего на выработку нравственных взглядов и убеждений. Такие пословицы и поговорки, как «12 раз примерь, потом отрежь», «Капля камень долбит», «Поспешишь, так насмешись», — учат действовать упорно, но перед тем как сделать, решать что-либо ответственное, серьезное — тщательно обдумать, все предусмотреть. «Он стоит того, чтобы ему ноги об-

¹ В. Г. Белинский. Избран. педагог. соч., М.-Л., изд. АПН РСФСР, 1948, стр. 197—199.

вязать бумагою» — высмеивает большую неповоротливость, а «Сама себя раба бьет, коль нечисто жнет» — убеждает добросовестно относиться к работе, ибо за недобросовестно выполненную работу, оплошность приходится самому же и расплачиваться. К единению трудящихся призывают пословицы и поговорки: «Одному и у каши неспоро», «Общественное дело обществом исправляется», «Народное дело не может сделать один человек». Интересен призыв к молодежи учитывать в жизни общечеловеческий опыт, сформулированный в пословице «Малые дороги не люби — большой дорогой ходи». В числе поговорок педагогическую ценность имеют такие, как «Из маловажного происходит маловажное», «Портящий лошадей не увидит у себя доброй лошади», «Нет тайны, которая бы не открылась» и т. д.

Ценность рассказов и сказок как одного из эффективных средств убеждения раскрыта С. М. Михайловым на многочисленных образах, в числе которых одно из первых мест принадлежит рассказу «Хитрая кошка». Мужик имел двух коров. Пришла беда: одна из коров стала хворать. Хозяин, дабы вовсе не лишиться своей коровы, решил продать ее мяснику, скупающему больных коров на убой и по ничтожным ценам. Получив за проданную больную корову 10 руб., мужик положил деньги не в сундук, а в горшок. Жена его, подоив утром здоровую корову, выливает молоко в этот горшок. Муж, заметив это, сказал жене, что в горшке хранились деньги. Тогда молоко было перелито в другую посуду, а размокшую ассигнацию повесили сушить на лучине. Старый хитрый кот, узрев облепленную сливками ценную бумагу, схватил ее зубами и кинулся во двор. Хозяева бросились преследовать кота, но тщетно: Васька-кот успел сжевать и проглотить деньги. Так был наказан мужик за намерение обмануть будущих покупателей мяса больной коровы.

Нельзя не согласиться с профессором М. Я. Сироткиным, который считает, что иносказательный

образ мужика в этом рассказе С. М. Михайлова дан в ярко сатирическом плане, с намеком на коштанов-мироедов, голов и писарей, неразборчивых в выборе средств обогащения.

С. М. Михайлов высоко ценил педагогическую роль обрядов, обычаев и праздников. Значительное место в этом отношении он уделяет свадьбам. Семидесятилетние дети, пишет он, оставаясь во время жатвы домовничать, резвятся на воле, поют песни, как на свадьбах. Во время ночной пастьбы лошадей, по свидетельству С. М. Михайлова, «мальчишки и девочки... всю ночь поют песни, как на свадьбах, и даже пляшут под звуки маленького пузыря, в который играет кто-нибудь из мальчишек»... Свадебный элемент нередко присутствовал и в играх малолетних детей. Куклы, пишет С. М. Михайлов, — занимали во время игры «места женихов, невест и свадебных персон». Воспроизведение детьми свадебного обряда являлось результатом сильного впечатления, произведенного свадьбой на чувства и ум детей.

О воспроизведении окружающего детьми в играх подчеркивал, например, и К. Д. Ушинский. Он писал: «Присмотритесь и прислушайтесь, как обращаются девочки со своими куклами, мальчишки со своими солдатиками и лошадками, и вы увидите в фантазиях ребенка отражение действительной, окружающей его жизни...»¹.

Таким образом, в творчестве С. М. Михайлова содержатся весьма ценные нравственно-этические идеи, пропагандирующие патриотизм, дружбу народов, добронравие и многие другие нравственные качества.

До сих пор сохранились в памяти земляков многие слова Яндуша (С. М. Михайлова), которыми как благопожеланиями пользуются старики, юноши и девушки, и нередко мы слышим: «Поступая так или иначе, сначала подумай о своем народе. Ты

¹ К. Д. Ушинский. Собрание сочинений, т. 8, М.-Л., изд. АПН РСФСР, 1950, стр. 439—440.

груб, скажут: чувашаи грубы; ты не чист на руку, скажут: чувашаи — воры; ты лжешь, скажут: чувашаи — обманцики». Эта идея С. М. Михайлова позже была расшифрована Г. Тимофеевым в труде «Девять деревень», но полностью демократические идеи С. М. Михайлова по вопросам нравственного воспитания детей и молодежи могли быть реализованы только в условиях Советской власти.

Вопросы привития детям и молодежи любви к прекрасному. С. М. Михайлову принадлежит заслуга первого исследователя опыта чувашского народа по эстетическому воспитанию подрастающего поколения. Понимая важность эстетического воспитания в общей системе формирования личности, он разработал и меры для его улучшения.

По его мнению, главное место в эстетическом воспитании у чуваш занимают музыка и песни. Он писал, что звуки древнейшего музыкального инструмента чуваш — пузыря — затрагивают сердца красавиц, а пузырист у чуваш волшебник. «Думают чувашаи, по своему суеверию, что пузырист может колдовать и привораживать силой пузыря к себе красавиц». «Если музыкант холост, то он совершенный победитель красавиц: ему они все подчинены и покорны». Игру бурлака-чуваша на своем пузыре во время прохождения судна мимо отечественных берегов, по признанию С. М. Михайлова, чувашские девушки сравнивали с мифическим поэтом и певцом Древней Греции Орфеем, который пением и игрой на китаре очаровывал не только людей и животных, но даже камни; а реки, заслушавшись его, останавливались в своем течении.

В эстетических воззрениях древних народов было, конечно, много наивного и примитивного. Но, несмотря на исторически обусловленную ограниченность, в основе этих взглядов имелось и зерно истины. Музыка имеет большое воспитательное значение. Из истории известно, что исключительное внимание уделялось музыкальному образованию в древнем Египте и древней Греции. В Аркадии, например, все граждане до 30 лет должны были

обучаться пению и инструментальной музыке, в Спарте, Фивах и Афинах — учиться игре на авлосе, священным долгом считалось участие молодых греков в хоре.

Музыкальному воспитанию немалое внимание уделялось у русских и других народов России. Музыка «должна быть благодатной росой для растительной жизни дитяти, солнечным светом для пробуждающейся юной души, она развивает и укрепляет цветок духовной жизни для плода; ...впечатления музыки на душу младенца и плоды их неисчислимы»¹, — отмечал В. Г. Белинский.

Исследуя народный опыт музыкального воспитания чувашского народа, С. М. Михайлов пришел к выводу, что песни народа отражают его историю, духовную жизнь, его моральный облик. Поэтому он называл песни «поэтическими памятниками жизни народной». В то же время он указывал, что «музыка у всех народов и во все времена составляла неотъемлемую принадлежность», при этом он подчеркивал глубокую любовь чуваш к музыке.

В своих произведениях С. М. Михайлов старался описать старинные музыкальные инструменты чуваш. Самым древнейшим их музыкальным инструментом, как уже отмечено выше, он считает пузырь. В старину стволы пузырей были из клёна или тростника с четырьмя или пятью ладами. «Такие пузыри и теперь еще у некоторых пузырьников хранятся как древность», — сообщал он. Положительно оценивал чувашский просветитель конкурсы пузыристов на свадьбах, где музыканты «стремятся победить друг друга своею игрою и тем заслужить уважение общества». Само признание того, что хорошей игрой на музыкальном инструменте можно заслужить уважение общества, свидетельствует не только об отношении к музыкальному воспитанию, но и об уровне его постановки среди чуваш.

С. М. Михайлов отмечает, что музыкальный ин-

¹ В. Г. Белинский. Избран. педагог. соч., М.-Л., изд. АПН РСФСР, 1948, стр. 50.

струмент является необходимой принадлежностью и крестьянина, уходящего на Волгу в бурлаки. «Когда бежит судно парусом мимо отеческих пределов музыканта, то он непременно, — отмечает чувашский педагог, — начинает играть на пузыре, влезши на мачту (райну) и там продолжает утешаться и выражать грусть по родине, пока не минует свою сторону. Он притом думает, что с крутых берегов Волги слушают игру его любезные ему девицы».

С. М. Михайлов пропагандировал среди чуваш и такой музыкальный инструмент, как гусли (кёсле). Он свидетельствует, что чувашаи делают отличные гусли, что «не стыдно их представлять и на выставку сельских произведений». Делались гусли чувашами по заказу и на продажу в 25 и 35 струн с прекрасной отделкой. Мастерами прекрасных гуслей не только в Козьмодемьянском уезде, но и по всей Казанской губернии, как он пишет в своем труде «О музыке чуваш», считались орининские чувашаи из с. Оринино и дер. Б. Оринино.

Он подчеркивал, что чувашаи замечательно играют на гусях, что среди них есть даже известные гусяры, работающие в Москве. Самыми лучшими игроками на гусях он считал чуваш Ядринского уезда. Грамотные молодцы из чуваш, по его словам, «играют на гусях почти все русские плясовые и хороводные песни и даже вальсы, экосесы и прочие тому подобные... Много игроков и простых неграмотных чуваш, которые умеют играть русскую барыню...», — рассказывает он о своих наблюдениях.

Большого мастерства, по его мнению, чувашаи достигают в игре на гусях потому, что детей начинают обучать этому искусству очень рано. Они даже имеют специально для детей дешевые гусли, «самые маленькие в 15 струн». Иные мастера к изготовлению гуслей привлекали и самих детей.

Чувашский педагог и просветитель ратовал за то, чтобы укреплять и развивать национальные традиции в музыкальном воспитании. Он предлагал

всемерно поддерживать стремление детей к овладению игрой на музыкальных инструментах, положительно оценивал даже игру на простейших инструментах — «дудочках вроде уток с двумя дырочками по бокам». Он писал, что «мальчики чувашские носят их за пазухой, как необходимую утеху». С. М. Михайлов и сам учился игре на простейших музыкальных инструментах. «Было время, я сам на таких дудочках играл, когда... оставался с братом Григорием домовничать в рабочую пору», — говорил он. С. М. Михайлов восхищался музыкальной культурой своего народа, его радовало, например, что на «гусях играют и некоторые из девиц чувашских». Он понимал, что игра на том или ином музыкальном инструменте воспитывает не только самого играющего. Ее значение гораздо выше.

Много места в эстетическом воспитании отводил С. М. Михайлов песням. Им отобраны лучшие образцы чувашских песен, которые он считал необходимым широко использовать в эстетическом воспитании. Он записал «песни ребят чувашских»: игровые, плясовые, трудовые и свадебные.

Анализируя игровые песни, педагог писал: «Собственно игровыми называются те песни, пение которых сопровождается какой-нибудь игрой, соответственно содержанию песни».

С. М. Михайлов подчеркивал, что не меньшее значение имеет песня и в умственном образовании детей. Он писал, что по песням *«не только можно иметь понятие о физическом положении страны, климате и других особенностях, но и о состоянии умственного образования жителей и об их наклонностях»*. Здесь он имел в виду то, что музыка и песни содействуют расширению кругозора ребенка, более глубокому проникновению в действительность. Все это перекликается с высказыванием М. В. Ломоносова о значении песни и музыки: «Сладостные звуки родимой песни и музыки в живой человеческой душе ум пробуждают и чувства высокие воспитуют».

С. М. Михайлов понимал, какая роль принадлежит в эстетическом воспитании детей природе и как природа действует на развитие и формирование личности. Поэтому природу, свой край он с большой любовью воспевал во многих своих произведениях. «О ты, Юнга, родной мой край...», — поют чувашки на его родине. «Природа неожиданно оживилась: в садах скоро показалась зелень и рано начали распускаться почки на деревьях. Все было приятно, благоуханно... недоставало только певцов розы — соловьев», — описывает он приближение лета. Наблюдательный и тонкий педагог и писатель С. М. Михайлов, стремясь показать молодежи красоту родной Волги, писал: «Вид отсюда очаровательный: разливается матушка-Волга, за ней, от левого берега её, идут сплошные луга, изредка покрытые кустарниками, украшенные зеркалами озёр, перерезанные в различных направлениях ручьями». А его указание о том, что на родине все сердцу дорого, близко и мило (извилистые крутые берега, и поселения у рек и оврагов, и одинокие вязы и дубы на голых полях — все, все...) перекликается с высказыванием великого русского педагога К. Д. Ушинского, который писал: «А воля, а простор, природа... а эти душистые овраги и колыхающиеся поля, а розовая весна и золотистая осень разве не были нашими воспитателями? Зовите меня варваром в педагогике, но я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога»¹.

Забота об укреплении здоровья и физическом развитии подрастающего поколения. Истоки взглядов С. М. Михайлова на физическое воспитание находятся прежде всего в традициях воспитания чувашского народа. Знаток истории своего народа и исследователь народного опыта воспитания,

¹ К. Д. Ушинский. Собр. соч., т. XI, М.—Л., изд. АПН РСФСР, 1952, стр. 52.

С. М. Михайлов под физическим воспитанием понимал заботу о здоровье человека, начиная с его рождения. Заботу о здоровье он рассматривал как необходимое условие подготовки трудящегося человека. Но в условиях отсутствия школ для крестьянских детей воспитание здоровых, физически крепких и жизнерадостных детей могло осуществляться только родителями. Поэтому мысли С. М. Михайлова о физическом воспитании детей относились прежде всего к проблеме физического развития молодежи в условиях семьи.

Основными требованиями в отношении сохранения здоровья он считал уход за чистотой тела, закаливание организма и правильное питание. Он отмечал, что только выполнение этих требований способствует развитию и укреплению физической силы и здоровья человека, красивой наружности и высокому росту. Сам гордился тем, что из чувашских рекрут «при наборе по большей части поступают в гвардейские и гренадёрские полки по красивой наружности и исполинскому росту».

С. М. Михайлова радовало, что чувашки проявляют большую заботу о чистоте тела ребенка. Он писал, что чувашки ребенка «часто моют, начиная от самого рождения, в ночёвках¹ согретою в котле водою, а богатые даже с мылом». Водные процедуры, по его мнению, являлись одним из важнейших способов не только ухода за кожей новорожденного, но и средством закаливания организма. Разумеется, он понимал, что для закаливания организма и наилучшего приспособления его к внешней среде большое значение имеет действие естественных сил природы — воздуха, солнца и воды. Чувашские дети, отмечал он, закачивали свой организм тем, что подолгу находились на свежем воздухе. Весною ребяташки находятся, писал чувашский педагог, почти постоянно на дворе, около журчащих ручейков, на которых они ставят «мельницы» и тому подоб-

¹ Ночёвка (такана) — неглубокое, тонко отделанное деревянное корыто.

ные игрушки. «Летом чувашаи живут не в избах, а в лачугах (лась)... спят в разных местах: либо в амбарушках, либо в лачугах, или где-нибудь под навесом на сене».

В условиях, когда жилищем большинства чуваш являлась курная изба, топившаяся по-черному и потому закопченная дымом, пребывание на свежем воздухе С. М. Михайлов оправдывал и с гигиенической точки зрения.

Он отмечал, что чувашаи «будучи детьми природы, ... от сильного мороза и летнего загара постоянно синебагровые, закаленные от воздушных непогод». Во всем этом, по его мысли, сказывалось то, что чувашаи начинали закаливание организма детей в раннем детстве и целенаправленно продолжали это занятие в подростковый период и в более позднем возрасте.

В своем труде «Краткое этнографическое описание чуваш» С. М. Михайлов отводил немаловажное место и вопросам организации питания детей. Им описаны национальные особенности пищи чуваш, указаны их любимые кушанья, а также кушанья чувашских детей. Одним из самых популярных детских и молодежных напитков он считал хуран шывё — березовый сок, который пропагандировал как естественный нектар. Он одобрял широкое употребление в пищу зелени и овощей, указывал, что «зелень воспевалась даже в чувашских песнях». Как недостаток он подчеркивал, что у чуваш специальное детское питание почти отсутствовало, за исключением питания для детей грудного возраста, когда в качестве дополнения к молоку матери давали ему ёмкёч¹. Конечно, педагог не мог равнодушно относиться к этому ненормальному явлению, но он понимал, что объясняется это не столько низкой культурой, сколько условиями тяжелого, нищенского существования чувашских крестьян.

¹ Ёмкёч — кусочек жеванного хлеба с молоком и сахарным песком в тряпочке, даваемый грудному ребенку вместо соски.

Распространенным средством физического воспитания у чуваш, как и у других народов, С. М. Михайлов считал игры. Он первым из чуваш сделал попытку анализа национальных и молодежных игр. Им разработано и составлено несколько игр для молодежи, описания которых были помещены в его трудах. Он подробно описывает такие игры молодежи, как «Капустки», «Лычки», «Жмурки», особую игру «на пробу сил».

* Народные игры, описанные С. М. Михайловым, ценны и тем, что в большинстве своем они были доступны детям почти всех возрастов. Многие из них способствуют развитию у участников игры ловкости, смелости, силы, самообладания.

Он считал, что в игре на деревенской улице, а затем в поле, в лесу, на речке, на праздниках ребенок находил не только источник здоровья, но и готовил себя к труду. Игра, таким образом, выступала одновременно как школа детского труда, а детский труд, в свою очередь, способствовал физическому развитию подрастающего поколения. Доказательством такой связи игры и труда является следующее описание, данное С. М. Михайловым одной игре. «Для игры маленькие девочки сами делают куклы, притом не из тканей или материй каких-нибудь, а из разноцветных листьев, либо древесных, либо травяных, и украшают их полевыми или маковыми цветами из огорода». По его мысли, помимо всего остального, игра здесь выступает в тесной связи с детским трудом по изготовлению и украшению игрушек и является важным компонентом не только физического, но и трудового воспитания.

В противовес злопыхательству буржуазных писак, умышленно изображавших чуваш физическими уродами, С. М. Михайлов неоднократно подчеркивал правильное телосложение чувашских и марийских парней и девушек, восхищался красотой чувашек и мариек. Их высокий рост и крепкое телосложение, умение ездить верхом, как воинственные амазонки, он считал идеалом чувашских девиц. Небезынтересно описание физических качеств са-

мого С. М. Михайлова, составленное учителем Юнги — Ядринского училища М. Хлебниковым: «Высокий рост и соответствующая росту толщина, чистота и приятность черт лица, за исключением самого маленького рубчика на правой щеке, образовавшегося от того, что во время игры с пустыми пузырьками поранил как-то нечаянно... опрятная одежда, большая трудоспособность...» Эти качества, присущие С. М. Михайлову, конечно, обуславливались и физическим воспитанием, полученным в детском возрасте.

Но знаток жизни и быта нерусских народов Поволжья, особенно чуваш и марийцев, С. М. Михайлов видел не только положительное в физическом развитии своего народа. Для настоящей заботы о здоровье в современную ему эпоху у трудового народа не было даже элементарных условий. Царское правительство не проявляло никакой заботы не только о здоровье народа, но и о сохранении его жизни. Поэтому высокая смертность, всевозможные болезни были неизбежными спутниками не только взрослого, но и детского населения. Как член-корреспондент Казанского статистического комитета С. М. Михайлов был хорошо знаком с отчетами о рождаемости и смертности населения в Казанской губернии. Он болел душой за здоровье народа и хотел во что бы то ни стало помочь ему. В 1856 году он написал специальный труд по этому вопросу «Отчего чувашаи давятся и какие меры правительство должно принять для предупреждения этого явления?». В этом труде, главным образом, анализируются причины самоубийства среди чуваш, убедительно доказывается, что страх, болезни, бедность, печаль и тоска являются основной причиной смертности, которую он считал «общественной язвой», объясняемой рабством и отсутствием просвещения. Указывая истинные причины, которые вынуждают чуваш к самоубийству, он писал: «Скажу откровенно, что вешаются чувашаи и другие инородцы от непросвещения и больше всего от стеснительных действий волостных и сельских начальни-

ков, у которых все распоряжения основаны более на личных интересах...»

В своем труде он излагает меры борьбы со смертностью и самоубийством среди чуваш. Наряду с другими мерами он предлагает широко развернуть школьное образование для «инородцев» и выдвигает задачу широкого санитарно-гигиенического просвещения среди народа. С. М. Михайлов считает необходимым открывать для населения больницы, а «уездным врачам поставить в непрременную обязанность, чтобы они не отказывались пользоваться больных «инородцев» и за лекарства не брали непомерную цену». Им вносится конкретное предложение властям: «Учредить в уездах при волостных управлениях особые аптеки с лекарскими учениками, как в удельных приказах, для ближайшего пользования инородцев в болезнях, ибо они («инородцы». — Д. Е.) не отказываются обращаться в болезнях к медикам». По его мысли, следует больше убеждать чуваш в том, чтобы они в случае болезни, «не вдавались в суеверие и не искали помощи у тех людей, которые пользуются их слабостями, не обращались к своим ворожеям или жрецам-юмзи. Внушить им, чтобы они в болезнях обращались с требованием помощи к уездным и другим врачам».

Как широко образованный просветитель и ученый, С. М. Михайлов, таким образом, высоко ценил научную медицину и взял на себя благородную и трудную миссию — популяризировать её среди чувашского населения. Критика им ворожей и жрецов-юмзей, предрассудков и вредных обычаев, пагубно отражавшихся на состоянии здоровья народа, внушение чувашам в случае болезней обращаться к врачам, требование открыть больницы, снизить цены на лекарства и т. д. следует рассматривать как великий подвиг чувашского просветителя.

Однако прогрессивные требования, изложенные в его труде «Отчего чувашаи давятся и какие меры правительство должно принять для предупреждения этого явления?» в условиях царского режима не могли быть осуществлены.

То, о чем мечтал С. М. Михайлов, лишь благодаря Великой Октябрьской социалистической революции стало достоянием всех народов, населяющих нашу страну. Забота о здоровье советского человека, его физическом развитии и воспитании как неотъемлемой части коммунистического воспитания составляет одну из важных задач в деятельности КПСС, Советского правительства, советской школы и всего советского народа.

Идеи умственного воспитания в трудах С. М. Михайлова. В наследии С. М. Михайлова получили освещение, — возможное в его время, — многие важнейшие проблемы умственного воспитания. Полноценное воспитание молодежи он считал возможным только при условии предоставления ей знаний, соответствующего образования.

Ум, разум, по мысли С. М. Михайлова, отличают человека от животных, знания определяют силу человека. Как бы в доказательство этой мысли чувашский просветитель в своей сказке «Медведь и черемисин» убедительно показывает, как один умный черемисин благодаря своему уму и знаниям оказывается сильнее самого сильного зверя — медведя и побеждает его.

Анализ произведений С. М. Михайлова показывает, что под умственным воспитанием он понимал обогащение памяти знаниями об окружающей действительности, природе и обществе, об основах земледелия и обучение какому-либо ремеслу. По его убеждению, целенаправленное воспитание, включая все стороны формирования личности, должно начинаться как можно раньше. Например, ссылаясь на свой личный опыт, он полагал, что с пяти лет ребенок начинает сознавать себя и с этого времени уже можно начинать обучать его даже грамоте. О себе он писал: «Наконец, когда достиг я пятилетнего возраста и стал понимать себя, то явилась во мне сильная страсть к учению грамоте. Не зная сам ни аза в глаза, я любил рассматривать книги... Книги мне казались божеством, а буквы в них драгоценностью»... И это сказано в то время, когда грамот-

ность среди чуваш была чрезвычайной редкостью. Стремление детей к грамоте, к знаниям С. М. Михайлов считал естественным явлением и призывал всемерно его поддерживать.

В умственном воспитании он одно из важнейших мест отводил литературе. Так, например, раскрывая педагогическую роль литературы, он в своем дневнике писал: *«Люблю и уважаю литературу, никогда не считаю ее делом праздности, но она есть средство к облагорожению души, умилению духа, нахождению в возвышении способностей, данных природой»*.

В условиях отсутствия у чуваш школьного образования С. М. Михайлов особенное место уделял таким произведениям устной литературы, как сказки, песни, загадки, пословицы, поговорки. О сказках своего народа он писал: «Сказки у чуваш почти такие, как в «Тысяче и одной ночи»: яблоки у них пляшут, а листья бьют в ладоши; у источников для жаждущих — серебряные ковши; лошади богатырские; часто повторяются светлые озёра, камыши речные, осокоревые деревья...» Такое восторженное отношение его к устной литературе народа было вполне оправдано. Само сравнение чувашских сказок с арабскими сказками, ставшими классическими, свидетельствует о том, что он считал их важными средствами развития литературных вкусов у подрастающего поколения бесписьменного народа.

С. М. Михайловым записано много чувашских загадок, способствующих умственному развитию детворы и юношества. В книге «Чувашские разговоры и сказки» им выделен специальный раздел «Чувашские загадки», где дано 42 загадки. Загадки отгадывались чувашскими ребятами на посиделках, в ночных, на улицах, в школе. Нередко отгадывание их проводилось не одним человеком, а группой товарищей. В этих случаях отгадывание загадок выглядело совсем как урок родного языка.

С. М. Михайлов считал, что не может быть полноценного умственного воспитания и образования без знания истории, без изучения, прежде всего,

истории своего народа. Поэтому он настойчиво призывал сообщать молодежи как можно больше исторических сведений, знакомить её с историей родного народа. Высоко оценивал он роль исторических, географических и литературных экскурсий.

Одной из организованных им самим экскурсий по Казани он даже посвятил специальную статью «Казанские инородцы перед памятником Державину». Группе экскурсантов-чуваши С. М. Михайлов показывал в Казани крепость, кремль, университет. Остановившись у памятника поэту Г. Р. Державину, сооруженного во дворе университета в 1847 году, он подробно рассказал своим землякам о Г. Р. Державине и отметил: «...Он точно богатырь, он только не одними воинскими деяниями, но и твердостью великого ума, он богатырскими словами уничтожал злобу, коварство, водворял правду, любил добродетель, отечество»...

Как талантливый педагог С. М. Михайлов использовал эту экскурсию для вооружения своих единоплеменников разносторонними знаниями по истории Казани, Казанского университета, знаниями по русской литературе и т. д. С целью использования роли примера в наиболее желательном направлении он особо подчеркнул, что поэт Г. Р. Державин «был прежде беден, но учился всему». Эти слова педагога содержали в себе призыв учиться, адресованный бедным.

Общий вывод об экскурсии, свидетельствующий о ее эффективности, был выражен С. М. Михайловым в следующих словах: «Теперь в том селении, из которого были мои спутники — чуваша, часто повторяется имя Державина и таким образом сбылось поэтическое предсказание поэта, изложенное им в «Памятнике». Экскурсия помогла ее участникам обогатить свой ум знаниями, сыграла для них большую воспитательную роль.

Интересно его указание о значении примера в умственном воспитании, в борьбе за знания, в овладении наукой. Он убедительно подчеркивал, каким воодушевляющим примером на пути к образо-

ванию послужил для него подвиг М. В. Ломоносова, выходца из народа, с большим трудом получившего образование и ставшего великим ученым и поэтом.

В городе Козьмодемьянске некоторые учителя с большим удивлением говорили о С. М. Михайлове: «Может ли быть, чтобы человек чувашского происхождения и не учившийся в высших учебных заведениях, стал писать дельное?» По этому поводу сам С. М. Михайлов писал: «Конечно, эти слова скорее можно отнести к похвальности, нежели к унижению меня, ибо и патриарх русской словесности, Михайло Васильевич Ломоносов, был сын рыбака, который, как говорил писатель Жуковский в прозе, от деда получил липовую цевницу, а внукам своим передал пальмовую... Я знаю, что он, Ломоносов, писал Ивану Ивановичу Шувалову 10 мая 1753 года: «Обучаясь в Спасских школах, имел я со всех отвращающие от наук пресильные стремления, которые тогдашние лета почти непреодоленную силу имели... С другой стороны, несказанная бедность: имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше, как на денежку хлеба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды». Воодушевленный примером М. В. Ломоносова, С. М. Михайлов отмечал: «Но все сие от наук не отвратило его. Почему и я, хотя сам и подножие Ломоносова, не хочу отстать от начатого». «И я», — писал он, ссылаясь на исторический пример, и это как нельзя лучше характеризует силу влияния на него примера М. В. Ломоносова.

Мы знаем, с каким большим трудом удалось С. М. Михайлову получить образование. Бедность, насмешки и издевательства не отпугнули его от науки, а пример М. В. Ломоносова вдохновлял его на борьбу с трудностями в учебе и жизни, звал к науке. С. М. Михайлов в то же время не скрывал, что он и сам хотел бы быть примером для представителей своего народа. Даже награждение его серебряной медалью Русского географического общества он предполагал использовать для примера и поднятия духа чуваш, их чувства собственного до-

стоинства, для того, чтобы повлечь их за собой по пути к грамотности, образованию. Русскому историку А. И. Артемьеву он писал 29 октября 1851 года, что хочет быть примером своим «единоплеменникам чувашам», что ему «медаль нужна не для тщеславия», ибо он «оную заслуживает кровавым потом».

Он считал, что широкое общее умственное воспитание можно получить на основе родного языка и первый в истории чувашского просвещения теоретически обосновал мысль о необходимости первоначального обучения чувашских детей на их родном языке.

Обучение на родном языке чувашский педагог считал условием эффективности школьного образования его народа. Успех учения детей нерусской национальности в школе он ставил, таким образом, в прямую зависимость от употребления их родного языка в обучении, убедительно доказывая необходимость использования его в школах.

Своей защитой роли родного языка в обучении детей и в духовной жизни народа С. М. Михайлов поистине напоминает великого русского педагога К. Д. Ушинского, идеи их по этому вопросу очень близки. Правда, в данном случае о прямом влиянии К. Д. Ушинского на С. М. Михайлова вряд ли можно говорить. В известных нам трудах и имеющихся архивных материалах упоминаний об этом нет. Но надо полагать, что одна и та же эпоха, примерно сходное положение народных масс — русских и чувашских — породили очень близкие друг к другу искания и привели чувашского педагога С. М. Михайлова и великого русского педагога К. Д. Ушинского к тождественным мыслям и требованиям. В творческом наследии С. М. Михайлова много идей, сходных с идеями К. Д. Ушинского.

По мнению С. М. Михайлова, родной язык, его устойчивое положение в жизни народа укрепляет веру в будущее, вызывает чувство собственного достоинства. Поэтому он говорил: «Чем забыть свой язык, лучше забыть свое имя».

Он не мыслил поднятия культуры своего народа,

если не будет образования на родном языке. Игнорирование родного языка в школьном деле, по мнению С. М. Михайлова, может оказаться для народа гибельным.

Решительная и мужественная защита родного языка является большой исторической заслугой С. М. Михайлова. Ценность её становится еще более весомой, если представить отношение к чувашскому языку и всей культуре чувашского народа со стороны защитников колониальной политики царизма.

В тех исторических условиях, когда чувашский язык запрещался в школах царизмом, когда самодержавие проводило в жизнь принцип насильственного «обрусения» так называемых «инородцев», смелое выступление просветителя и педагога С. М. Михайлова в защиту чувашского языка было весьма прогрессивным. Для такого выступления в обстановке реакции и мракобесия надо было иметь огромное гражданское мужество, которым он действительно овладел.

В наследии С. М. Михайлова большую ценность представляет и его указание о чрезвычайной важности для будущей культуры чувашского народа глубокого изучения русского языка. У чуваш, по его мнению, должно быть два родных языка — природный (т. е. чувашский) и русский. Педагог убедительно доказывал необходимость знания русского языка чувашской молодежью и настойчиво требовал самого серьезного его изучения. «С чувашиним разговаривай на чувашском языке, с русским — на русском языке, с мари́йцем — на мари́йском языке» — гласит одна из заповедей С. М. Михайлова. Этот совет напоминает афоризм И. Я. Яковлева: «Два языка — два ума, три языка — три ума».

С. М. Михайлов о народных традициях трудового воспитания. С. М. Михайлов подробно описывает роль и место труда в жизни чуваш и положительно оценивает сложившуюся систему трудового воспитания. Он отмечает трудолюбие чуваш. Умение трудиться у чуваш всегда было одним из главных критериев оценки человека. Даже при выборе невесты

основное внимание обращалось на ее трудолюбие. Когда парень сообщал своим родителям и родственникам о своем намерении жениться, то последних интересовало прежде всего отношение не только самой невесты, но и членов ее семьи, всех ее родственников к труду. То же самое было и со стороны невесты. Родственницы жениха на пути к дому невестки, как описывает С. М. Михайлов, стоя на повозках пели песни, и одна из них следующая: «Не ленива бы была, а работающая...»

В программу трудового воспитания молодежи, по его мысли, входило все то, что составляло главные отрасли трудовой деятельности людей его времени: умение пахать, сеять, боронить, жать и молотить хлеб, умение варить, вязать, вышивать, плести лапти, смотреть и ухаживать за детьми и т. д. Этими трудовыми навыками, вызванными потребностями жизни и производственных процессов, характерными для хозяйства Чувашии 40—60 гг. XIX века, должна была владеть вся чувашская молодежь.

По мнению С. М. Михайлова, трудовое воспитание необходимо проводить с раннего детства. Детей следует привлекать к труду с малых лет. Так, одобрительно оценивая положительные традиции чувашского народа, он указывал, что «7—10-летние дети чуваш домовничают во время жатвы, кормят домашних птиц, собирают роняемый гусями и курами пух, встречают стадо и загоняют скотину во двор». С учетом возрастных особенностей (от 10 лет и выше) мальчики у чуваш начинают плести лапти и боронить, с 14—15-летнего возраста они выезжают и пахать, ездят за дровами в лес, ухаживают за скотом, в свободное время некоторые ходят ловить зайцев тенетами, гнут на продажу дуги, делают салазки, гусли, а лет 18 считаются у них совершеннолетними работниками... «Девочки лет 12 помогают матери в рукоделии, вышивают для рубах вороты, а с 15 лет начинают ткать холсты», — указывал С. М. Михайлов. В некоторых чувашских семьях мальчики обучались и тем видам труда, которые считались женскими, и не гнушались никакой ра-

ботой. В семействах, где нет девочек, писал С. М. Михайлов, мальчики от 7 до 10 лет помогают матери прясть. О себе он писал: «Я зимой 1828 года помогал матери прясть также, как и другие мои братья, и от осени до сырной недели напрядено было мною 9 мотков самой грубой пряжи».

С. М. Михайлову нравился такой подход чувашских семей к трудовому воспитанию, и он рассматривал его как добрую национальную традицию. Его высказывания о необходимости обучения мальчиков к выполнению женской работы перекликаются с мыслями Н. К. Крупской, изложенными в её статье «Следует ли обучать мальчиков «бабьему делу»?»

Весьма высоко оценивал С. М. Михайлов такую старинную традицию в трудовом воспитании чуваш, как «шефство» детей над скотом «детского возраста»: «...когда у чуваш ягнятся зимою овцы, то ребятишки выходят по ночам осматривать, не объгнилась ли овца, и когда найдут ягнёнка, несут его с восхищением в избу, и тот, который прежде всех нашёл ягнёнка, называет его уже своим. У меня, у маленького, тоже были завербованы ягнята».

С. М. Михайлов к детскому труду подходил не только с экономической точки зрения, как к источнику материальных благ, но, прежде всего, с точки зрения педагогической, как к решающему средству развития и формирования личности. Кроме того, он рассматривал трудовое воспитание в неразрывном единстве с другими сторонами формирования личности.

По мнению С. М. Михайлова, даже игры представляли собой подражание трудовой деятельности. Так, отмечая положительное значение проводимых ежегодных молодежных игр «Капустки» для эстетического и нравственного воспитания, он указывал, что «с учреждением этих народных игр при рублении капусты девушки более стали ухаживать за нею, когда она растёт на грядках...» Так, простонародная молодежная игра «Капустки», проводимая в период рубления капусты осенью, способствовала

проявлению со стороны девушек большей старательности в труде по уходу за растениями. С. М. Михайлов при этом отмечает, что все это делалось не только и не столько ради материальной выгоды от высокого урожая капусты, а скорее всего из-за того, что осенью во время игры состоится общественный смотр результатов летних трудов девушек.

Однако следует подчеркнуть, что идеи С. М. Михайлова о трудовом воспитании молодежи не являются вершиной чувашской педагогической мысли его времени. Им подробно и обстоятельно обобщены народные традиции трудолюбия у чуваш, но он не дошел до подлинно научного анализа их значения в трудовом воспитании молодежи.

Заканчивая рассмотрение идей воспитания в творчестве С. М. Михайлова, необходимо отметить, что они включают в себя многие основные вопросы педагогики дореформенной России. По многим вопросам С. М. Михайлов шел наравне со многими педагогами своей страны. Его педагогические идеи, проникнутые последовательным демократизмом и гуманизмом, составляют важный вклад в духовную сокровищницу народов Советского Союза.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С. М. Михайлов был первым чувашским общественным деятелем, ученым, просветителем, педагогом, писателем, историком, этнографом и фольклористом. По глубине и широте своих научных исследований, просветительской деятельности, по силе поэтического и педагогического дарования его имя справедливо может быть поставлено рядом с именами М. Ахундова, Ч. Валиханова, Х. Абовяна, Д. Банзарова и др.

Выйдя благодаря содействию прогрессивных русских деятелей на всероссийскую арену, С. М. Михайлов первым в истории чуваш поднял могучий голос в защиту прав своего обездоленного народа, за его просвещение, за открытие школ для обучения чувашских детей на их родном языке.

Он неимоверными усилиями в середине XIX в. заложил зачатки грамотности среди чуваш. С. М. Михайлов не был педагогом-профессионалом, но путем глубокого изучения и обобщения народного педагогического опыта он разработал радикальные предложения по организации обучения детей и молодежи. Большая историческая заслуга С. М. Михайлова в том, что он смело защищал родной язык в школьном обучении, указал о чрезвычайной важности для чувашской молодежи изучения русского языка, истории, литературы и передовой отечественной культуры.

Как предшественник И. Я. Яковлева, основоположника и классика демократической педагогики

чуваши, С. М. Михайлов создавал определенные условия для развития чувашской педагогики во второй половине XIX века. Богатейшее наследие, оставленное этим самоотверженным тружеником, безусловно, способствовало успешной деятельности выдающегося чувашского просветителя, «50 лет работавшего над национальным подъемом чуваш»¹, И. Я. Яковлева и его талантливых последователей.

С. М. Михайлов был поборником дружбы народов. В своих трудах он ярко и убедительно показывал исторические корни дружбы чуваш и русских, призывал свой народ всемерно расширять и укреплять эту дружбу. В то же время его разносторонняя деятельность способствовала разоблачению клеветнических измышлений идеологов колонизаторской политики о нерусских народах Поволжья, в том числе о чувашах, как о племенах, неспособных учиться и создавать духовные ценности.

Многие произведения С. М. Михайлова представляют большую научную ценность, их использовали видные ученые России и других стран. В большей части его наследие не утратило своей актуальности и в настоящее время им пользуются наши ученые, многие исследователи, писатели, учителя, родители и др.

Имя С. М. Михайлова дорого чувашскому народу. Трудящиеся Советской Чувашии справедливо гордятся им и бережно хранят память о нем. В знак увековечения памяти С. М. Михайлова решением Правительства РСФСР его имя присвоено Юнгинской средней школе Моргаушского района. Дань уважения нашему земляку отдают и трудящиеся Марийской АССР: именем С. М. Михайлова названа улица в Козьмодемьянске.

* * *

Благодаря Великой Октябрьской социалистической революции чувашский народ встал на путь возрождения, на путь превращения в социалистическую нацию, на путь создания своей государствен-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 61.

ности. Чувашия — в прошлом одна из отсталых окраин царской империи, край темноты и невежества, — за годы Советской власти под руководством Коммунистической партии Советского Союза превратилась в цветущую республику, в край с высоко развитой промышленностью и механизированным социалистическим сельским хозяйством. Изумительно расцвела национальная по форме, социалистическая по содержанию культура чувашского народа.

В Советской Чувашии не только давно покончено с неграмотностью населения, но здесь теперь осуществляется всеобщее среднее образование. В республике свыше 800 общеобразовательных школ и 20 техникумов и училищ, три высших учебных заведения и несколько научно-исследовательских учреждений. В ней на каждую тысячу человек населения приходится 9 человек с высшим образованием.

Если вся история Чувашии до середины XIX века знает единственного ученого-самородка из чуваш в лице С. М. Михайлова, то за 50 лет Советской власти из среды чувашских трудящихся выросло свыше 600 ученых — докторов и кандидатов наук, тысячи учителей, врачей, инженеров, деятелей искусства и литературы, специалистов сельского хозяйства.

Десятки сынов и дочерей Чувашии удостоены высокого звания Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда. Чувашский народ гордится тем, что в мире он явился третьим народом, давшим человечеству своего космонавта, имя которого А. Г. Николаев.

Конечно, в мрачные годы царизма обо всем этом и не мог мечтать С. М. Михайлов. Успехи, достигнутые чувашским народом под руководством Коммунистической партии в содружестве со всеми другими народами Советского Союза, являются ярким доказательством того, что только при социализме создаются все возможности для подлинного расцвета культуры и просвещения ранее угнетенных народов.

Цена 13 коп.

А124581

85700

XX